

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕКАРЬ ГРИМУАРОВ» • КНИГА 1

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ЗАПРЕТНАЯ
СЕКЦИЯ

БИБЛИОТЕКАРЬ ГРИМУАРОВ

LITRPG • РЕАЛРПГ • БОЕВИК

Нейтон Патчер

**Библиотекарь Гримуаров:
Запретная Секция**

«Автор»

2026

Патчер Н.

Библиотекарь Гримуаров: Запретная Секция / Н. Патчер —
«Автор», 2026

Вадим Летов, эксперт по реставрации древних рукописей, погибает в горящем архиве и переносится в фэнтезийную Систему Арагона. В реальности, где боевые архимаги швыряются метеорами, Система присваивает ему насмешливый небоевой класс . Совет Цитадели Знаний с презрением ссылает его в катакомбы Запретной Секции, где заперты плотоядные проклятые фолианты, сводящие чародеев с ума. Но маги не знают законов научной текстологии и нейтрализации магических чернил! Класс позволяет Вадиму безопасно подчинять живые гримуары и извлекать первородные заклинания эпохи До-Системных Богов. Простой реставратор открывает силу, перед которой пасует любая высшая магия.

© Патчер Н., 2026

© Автор, 2026

Нейтон Патчер

Библиотекарь Гримуаров: Запретная Секция

НЕЙТОН ПАТЧЕР

БИБЛИОТЕКАРЬ ГРИМУАРОВ: ЗАПРЕТНАЯ СЕКЦИЯ

Серия «БИБЛИОТЕКАРЬ ГРИМУАРОВ» • КНИГА 1

Глава 1. Катакомбы Архива

Каменный пол под щекой был не просто холодным — он вытягивал тепло так жадно, будто гранитные плиты веками копили в себе ледяной голод могильника.

Вадим судорожно вдохнул. Воздух ворвался в легкие густым, удушливым коктейлем из вековой книжной пыли, прелого пергамента, застарелого лампадного воска и резкой, царапающей горло металлической ноты — так пахнет свежeproлитая кровь, смешанная с медным купоросом и жженой серой.

Голова взорвалась тысячей раскаленных осколков. Каждое сокращение сердца отдавалось в висках глухим колокольным набатом. Вадим застонал, попытался опереться ладонью о пол, но пальцы наткнулись на что-то твердое, холодное и гладкое. Рефлекс сработал быстрее сознания — он сжал пальцы, инстинктивно вцепившись в предмет, словно в единственную соломинку в этом море.

В правой руке лежал инструмент. Продолговатая, идеально отполированная десятками тысяч прикосновений костяная гладилка. Ее скошенный заостренный конец слегка покалывал подушечку указательного пальца, а по желобку рукояти вилась тонкая резьба, похожая на застывшие микроскопические руны. В левой руке, прижатой к животу, обнаружился тяжелый граненый пузырек из толстого темно-зеленого стекла с притертой свинцовой пробкой. Внутри, глухо плещась, переливалась маслянистая жидкость, фосфоресцирующая едва заметным сизым свечением.

«Что за... Где я?»

Мысли ворочались медленно, словно увязли в сырой глине. Он помнил... Что он помнил? Архив старинных рукописей? Запах формалина и реставрационного клея? Громоздкие сканеры, стеллажи с инкунабулами, треск лопнувшей люминесцентной лампы и ослепительную, выворачивающую наизнанку вспышку, разорвавшую реальность на пиксели?

Перед глазами поплыли серые мушки, сгустились, а затем в темноту глазниц ударил резкий, навязчивый свет. Не ламповый, не солнечный — неоновый, полупрозрачный, спроецированный прямо на сетчатку.

[Внимание! Процесс первичной адаптации носителя завершен.]

[Фиксация витальных показателей: стабильно.]

[Биорезонанс души с матрицей Цитадели: 98.4%.]

[Инициализация системного протокола «Хранитель»...]

Текст вспыхнул и растворился, уступив место новому ряду строгих, словно выгравированных на черном хрустале символов:

[Пользователь: Вадим Летов]

[Класс: Библиотекарь Гримуаров (F-ранг)]

[Уровень: 1 (0/100 XP)]

[Здоровье: 85/100]

[Мана: 120/120]

[Стойкость к скверне текстов: 3% (Критически низкая! Уязвимость к ментальному заражению)]

[Внимание: Смертность на первой ступени иерархии Архива составляет 94.7%. Рекомендуется избегать прямого зрительного контакта с разгерметизированными фолиантами.]

Вадим моргнул, пытаясь смахнуть наваждение, но системные строчки лишь слегка сдвинулись в правый верхний угол обзора, оставаясь безупречно четкими. Голова снова отозвалась тупой болью.

Он с кряхтением приподнялся на локтях, затем сел, привалившись спиной к шершавой каменной кладке.

Пространство вокруг него постепенно обретало очертания. Он находился в циклопическом, уходящем в бесконечную тьму коридоре, своды которого терялись где-то на высоте пятиэтажного дома. Но это были не просто катакомбы. По обе стороны тянулись исполинские стеллажи из черного мореного дуба, скрепленного полосами тусклого вороненого железа. Полки ломились от книг — массивных, закованных в цепи, обтянутых грубой чешуйчатой кожей, покрытых бляхами из зеленоватой бронзы. От стеллажей исходил тихий, еле слышный монотонный гул, похожий на дыхание спящего исполинского зверя. Иногда среди полок раздавался шорох — словно сотни страниц судорожно переворачивались сами по себе, шепча что-то на мертвом, режущем уши наречии.

Но не стеллажи приковали к себе остекленевший взгляд Вадима.

Прямо перед ним, в трех метрах, высилась колоссальная двустворчатая дверь.

Она была отлита из грубого метеоритного чугуна, покрытого оспинами древней коррозии и темными, почти черными потеками, напоминавшими засохшую сукровицу. Створки стягивали толстенные кованые цепи в палец толщиной, звенья которых светились тусклыми красными прожилками запирающих чар. А над гигантским засовом, прямо в теле металла, глубоко, яростно и неровно были высечены громадные рунические литеры, заполненные запекшейся багровой эмалью.

Они не требовали перевода. Значение впечаталось в разум мгновенно, отозвавшись ледяным ознобом в животе:

«Запретная Секция. Вход смертен».

Казалось, от стыка между тяжелыми створками сквозит не просто холодом, а абсолютной пустотой. Воздух там дрожал, как над раскаленной асфальтовой дорогой, преломляя свет, и из этой микроскопической щели доносился тонкий, сводящий с ума свист — словно там, в глубине запретных залов, кто-то задышался под толщей черной воды.

Вадим опустил взгляд на свои дрожащие руки.

Одежда на нем была чужой. Плотная, пепельно-серая суконная мантия с широкими рукавами, перехваченная на талии широким ремнем из толстой воловьей кожи. На ремне висели пустые кожаные петли для инструментов, медный пинцет на цепочке и тяжелое латунное кольцо без ключей. Пальцы — бледные, длинные, с тонкими полосками въевшихся чернил под ногтями. На ладонях виднелись свежие мозоли от постоянного трения о твердый переплетный картон и дерево.

Он сжал костяную гладилку. В тот же миг перед глазами развернулось полупрозрачное диалоговое окно:

[Предмет: Малая костяная гладилка младшего переплетчика]

[Качество: Обычное (Изношено)]

[Материал: Ребро низшего костяного гончего, стабилизирующий лак]

[Прочность: 38/50]

[Свойства: Увеличивает аккуратность фальцовки и сглаживания листов на 5%. Позволяет прикасаться к оскверненному пергаменту без риска мгновенного проклятия касания (при условии целостности лакового слоя).]

[Описание: Стандартный инструмент черновиков и чистильщиков Цитадели Знаний. Пахнет клеем, страхом и могильной известью].

Вадим перевел дыхание и перевел взгляд на флакон в левой руке.

[Предмет: Раствор сернистого квасца и слезы ундины (Концентрат)]

[Объем: 75 мл]

[Назначение: Нейтрализация паразитических чернил, растворение колоний малефикационных плесеней, ослабление поверхностных агрессивных глифов].

[Токсичность: Высокая при вдыхании паров. Осторожно: горюче при контакте с истинным пламенем].

— Прекрасно... Просто великолепно, — хрипло прошептал Вадим. Голос прозвучал сипло, незнакомо, царапая пересохшую гортань. — Том сто двадцать девятый. Или сто тридцатый. Какая, к черту, разница... Я в подвале. В самом глубоком, темном и вонючем подвале этого чертова мироздания.

Он попытался встать. Колени задрожали, предательски подламываясь, но он уперся плечом в стеллаж. Древесина под тканью мантии отозвалась странным, влажным теплом. Вадим тут же отдернул руку: на уровне его груди стоял толстый фолиант в переплете из темно-зеленой шероховатой кожи. На корешке не было названия, лишь один круглый выпуклый нарост, похожий на... закрытое веко.

Кожа вокруг нароста мелко подрагивала. Книга спала.

Вадим медленно, затаив дыхание, отступил на полшага назад, стараясь не звенеть пряжкой ремня. Сердце колотилось в горле, отсчитывая бешеные удары.

И в этот момент в интерфейсе, мигнув трижды, развернулась новая плашка. Сияние было ровным, лазурным, от него исходило слабое ощущение ментальной прохлады, немного снявшее головную боль.

[Доступна базовая классовая способность!]

[Класс «Библиотекарь Гримуаров» наделяет вас исключительным правом взаимодействия с живым, оскверненным и проклятым знанием Цитадели].

[Получен навык: «Очистка Текста» (Уровень 1 — 0.0%)]

[Тип: Активный / Ремесленный / Экзорцистический]

[Затраты: 15 единиц Маны в минуту + физические реагенты]

[Описание: Позволяет библиотекарю удалять с пергамента, бумаги или кожи паразитические наслоения, чернильную скверну, следы ментального гниения и низшие блуждающие проклятия без необратимого повреждения носителя текста].

[Эффект: Скорость работы +10%. Шанс распознать скрытую ловушку в тексте во время очистки: 12%. Шанс провокации спящей сущности гримуара: зависит от разницы рангов].

[Предупреждение: Ошибка при очистке текста выше вашего текущего ранга может привести к выбросу малефиции, ослеплению, пожиранию пальцев или переходу книги в состояние активной охоты!]

«Состояние активной охоты... Книги, которые охотятся на библиотекарей. Звучит как издевательский анекдот, если бы эта тварь на полке не дышала мне в затылок», — подумал Вадим, сглатывая горькую слюну.

Он провел тыльной стороной ладони по лбу, отирая холодный липкий пот. Значит, Библиотекарь F-ранга. Самое дно пищевой цепи Цитадели Знаний. Корм для взбесившихся трактатов по некромантии и демонологическим атласов.

Но почему он здесь? Почему прямо у порога Запретной Секции?

Вадим огляделся внимательнее. Катакомбы тонули во мраке, но примерно в десяти шагах от железных врат мерцал единственный источник стабильного света — невысокий каменный постамент, над которым зависла тусклая масляная лампа в бронзовой оправе. Ее фитиль горел странным зеленоватым огоньком, почти не давая тепла, но разгоняя липкую тьму вокруг небольшого наклонного стола-пюпитра.

Там что-то лежало.

Шаг. Подошвы его грубых кожаных башмаков глухо скрипнули по каменной крошке. Звук эхом улетел во тьму высоких сводов, и на секунду Вадиму показалось, что шорох страниц на дальних стеллажах затих, словно тысячи невидимых ушей прислушались к его поступку.

Он замер, выждал несколько секунд. Тишина стала звенящей. Только тяжелое, натужное дыхание за железной дверью «Запретной Секции» продолжало мерно вибрировать в такт биению его пульса.

Преодолевая накатывающий ужас, Вадим подошел к пюпитру.

Свет зеленой лампы падал на массивную раскрытую книгу. Это был регистрационный журнал, или скорее вахтенный гроссбух из пожелтевшего пергамента толщиной в палец. Правая страница была пуста, а левая оказалась залита безобразным, пульсирующим черным пятном.

Чернила не высохли. Они вели себя как живая, вязкая субстанция: по краям пятна вытягивались тонкие черные жгутики-ложноножки, они царапали пергамент, оставляя после себя язвы и прожигая волокна до обугленных дыр. Из центра пятна вверх поднимался тонкий, полупрозрачный парок с запахом тухлых яиц и жженого волоса.

Над книгой висело системное уведомление тревожного багрового оттенка:

[Обнаружен поврежденный системный носитель: Журнал учета перемещений Запретной Секции (Малый реестр)]

[Степень заражения: 34% (Чернильный паразит вида *Strix Literalis*)]

[Статус: Процесс разъедания записей дежурной смены. До полного уничтожения данных осталось: 11 минут 40 секунд.]

[Внимание! При утрате записей врата Запретной Секции перейдут в аварийный режим «Абсолютный Могильник». Контур внешней герметизации активирует очистку катакомб эфирным пламенем. Шанс выживания персонала в радиусе 500 метров: 0.00%.]

— Вот оно как, — процедил сквозь зубы Вадим, и его пальцы непроизвольно сжали костяную гладилку так, что побелели суставы. — Никакого обучения. Никаких туториалов для новичков. Сразу на плаху.

Он посмотрел на таймер. Цифры неумолимо таяли: 11:32... 11:31...

Если побежать? Куда? Коридор за его спиной уходил в непроглядный мрак, где то и дело слышались шорохи, шелканье сухих переплетов и звуки, подозрительно похожие на скрежет когтей по камню. Без карты, без света, без знания местных законов он станет легкой добычей для первого же взбесившегося тома, решившего полакомиться свежей органикой.

Единственный путь выжить — сделать свою работу. Работу, ради которой его, видимо, сюда и зашвырнуло.

«Спокойно, Вадим. Вдох-выдох. Ты три года восстанавливал старопечатные книги в отделе редких рукописей. Ты держал в руках издания шестнадцатого века, рассыпающиеся от одного неловкого движения скальпеля. Это просто плесень. Очень злая, агрессивная, зубастая магическая плесень».

Он решительно поставил флакон с зеленым раствором на край пюпитра.

Руки перестали дрожать. Внутренний профессионал, дремавший под слоем первобытного страха, взял верх.

Вадим подцепил ногтем свинцовую пробку флакона. Металл подался с мягким чмоканьем. В нос ударил резкий ментолово-серный дух, от которого защипало в глазах, но голова парадоксальным образом прояснилась.

[Активирована способность: «Очистка Текста» (Уровень 1)]

[Текущий запас Маны: 120/120 -> 105/120]

Его зрение изменилось. Мир вокруг потерял контрастность, погружившись в серые полутона, но книга перед ним вспыхнула сложной полифонией энергий. Черное пятно на пергаменте больше не казалось просто кляксой — Вадим отчетливо увидел сотни тончайших нитей малефиции, которые сплетались в подобие паутины, проникая в саму структуру бумаги. В центре этого клубка билось крошечное, злобное ядро — сгусток паразитической воли, пожирающий буквы и слова, заменяя их бессмысленной, ядовитой гарью.

Буквы под кляксой кричали. Это не было звуком — скорее вибрацией, давящей на барабанные перепонки. Смысл утерянных строчек утекал, растворяясь в небытии.

Вадим обмакнул скошенный кончик костяной гладилки в зеленоватый концентрат. Жидкость мгновенно обволокла кость тонкой пленкой, зашипела, вступая в реакцию с микроруннами на рукояти.

— Ну давай, покажи, на что ты способна, — пробормотал он.

Он поднес инструмент к самому краю чернильного пятна.

Как только костяное лезвие приблизилось на расстояние пальца, черная масса отреагировала мгновенно. Десятки жгутиков взметнулись вверх, словно шерсть рассерженной кошки, и с яростным шипением метнулись навстречу гладилке.

Ш-ш-ша-а-а!

Контакт! Раствор на конце кости вспыхнул изумрудными искрами. Жгутики паразита скрутились, обугливаясь, и распались серой невесомой золой.

[Внимание! Паразит чернил «Strix Literalis» проявляет сопротивление!]

[Ментальное давление: 12 единиц/сек. Ваша стойкость к скверне снижает урон на 3%.]

В виски словно вогнали по толстой тупой игле. Вадим стиснул зубы так, что хрустнула челюсть. Перед глазами замелькали жуткие, рваные образы: пустые глазницы скелетов в истлевших мантиях, падающие в бездну горящие башни, длинные ряды полок, залитые черной жижей, и чей-то чужой, каркающий шепот: *«Забудь... сотри... пусть всё станет чистым листом... отдай плоть архиву...»*

— Пошел... к черту! — сквозь сжатые зубы прорычал Вадим.

Он не стал тыкать инструментом вслепую. Реставратор внутри него знал: если попытаться срезать нарост прямо по центру, паразит лопнет, и едкая кислота окончательно уничтожит пергамент, а вместе с ним активирует аварийную систему врат.

Нужно срезать по волокну. Отслаивать слой за слоем.

Вадим наклонился ниже, едва не касаясь носом смертоносной страницы. Движения его правой руки стали точными, выверенными годами работы с ветхими фолиантами. Он завел плоский край гладилки под самый нижний край кляксы, туда, где чернила еще не успели прожечь пергамент насквозь.

Скрии-и-ип.

Кость заскользила по пергаменту, поднимая тончайшую, словно слюда, чешуйку застывшей скверны. Маслянистый раствор действовал как смазка и растворитель одновременно: он нейтрализовал яд, не давая ему впитываться глубже.

Левой рукой Вадим достал из петли ремня медный пинцет. Точным движением он перехватил отделившийся край чернильной пленки и потянул ее вверх и вбок — под углом в сорок пять градусов, снижая натяжение основы.

Черное пятно забилося, завибрировало. В глубине маслянистой жижи открылась крошечная щель, похожая на пасть с частокотом чернильных игл. Раздался тонкий, ультразвуковой визг, от которого на полках вокруг зашевелились фолианты.

Один из тяжелых томов на соседнем стеллаже дернулся на своей цепи, ударившись о железный упор с глухим медным перезвоном.

«Не отвлекаться. Только текст. Только работа», — твердил себе Вадим.

Капли пота катились по его щекам, застывая глаза соленым туманом. Рука с гладилкой действовала неумолимо. Он срезал жгут за жгутом. Каждый миллиметр освобожденного пергамента открывал древние, строгие строчки, начертанные золотистыми чернилами:

«...Смена надзирателя Малахии... Сектор 4-Б герметичен... Инцидент с Гримуаром Гниющих Мыслей локализован... Жертв среди младших писцов — трое...»

[Прогресс очистки: 45%...]

[Мана: 75/120]

[Таймер аварийного сброса: 05:42...]

Ядро паразита запаниковало. Поняв, что его методично счищают, стусок собрался в один плотный узел размером с грецкий орех. Он оторвался от страницы и взмыл в воздух прямо перед лицом Вадима, собираясь метнуться ему в открытый рот или глаза.

— А вот этого не надо!

Вадим среагировал не как книжный червь, а как человек, спасающий свою шкуру. Вместо того чтобы пятиться, он резко взмахнул левой рукой, плеснув из горлышка флакона прямо в летящий стусок порцию чистого концентрата.

Зеленая струя ударила в черную мерзость.

Раздался шипящий взрыв, похожий на плевок раскаленного масла на сковороде. Паразита объяло синим пламенем. Он завизжал — пронзительно, по-младенчески, и шмякнулся обратно на пюпитр, судорожно сжимаясь и обугливаясь.

Вадим не дал ему опомниться. Острием костяной гладилки, напитанной маной способности, он с размаху пригвоздил бьющееся ядро прямо к зазору между деревянными планками стола, в стороне от пергамента.

— «Очистка Текста»! Максимум! — выдохнул он.

Остатки маны хлынули через рукоять инструмента. Кость раскалилась, руны на ней вспыхнули ослепительным белым светом. Ядро паразита вспучилось пузырями, почернело, обратилось в серый пепел и с тихим шорохом осыпалось на каменный пол.

Тишина рухнула на катакомбы как свинцовая плита.

Вадим тяжело дышал, опершись обеими руками на край пюпитра. Сердце колотилось где-то в горле, в глазах пульсировали темные круги от истощения резерва.

Перед взором посыпался каскад золотистых системных сообщений:

[Паразит чернил «Strix Literalis» (Ранг F) успешно уничтожен!]

[Поврежденный артефакт: Журнал учета перемещений восстановлен на 98.2%.]

[Угроза аварийной очистки катакомб ликвидирована.]

[Способность «Очистка Текста» повысила свой уровень: 1 -> 2 (14.5%)]

[Получено 150 единиц опыта!]

[Поздравляем! Вы достигли 2-го уровня!]

[Характеристики обновлены: Здоровье 100/100, Мана 150/150.]

[Стойкость к скверне текстов увеличена: 3% -> 5%.]

[Репутация во фракции «Архив Цитадели Знаний»: 10/1000 (Статус: Выживший новичок).]

Теплая волна системной энергии прокатилась по телу, смывая липкую усталость и тупую боль в затылке. Дышать стало легче. Вадим выпрямился, чувствуя, как мышцы наливаются упругой силой. Уровень два. В этом безумном мире повышение уровня означало не просто

циферки в воздухе — оно давало вполне осязаемое физическое облегчение и шанс дожить до завтрашнего утра.

Он аккуратно закрыл флакон со слезами ундины свинцовой пробкой. Раствора убавилось почти на треть — цена за спасение собственной жизни. Костяная гладилка слегка потемнела на самом острие, но лаковый слой выдержал. Инструмент сослужил отличную службу.

Вадим перевел взгляд на очищенную страницу журнала.

Золотые буквы теперь сияли ровным, спокойным светом. В самом низу страницы, там, где только что исходило ядом черное пятно, проступили свежие, еще не остывшие строчки, словно выведенные невидимым пером:

«...Смена принята. Новый служащий зафиксирован протоколом Архива. Имя: Вадим Летов. Должность: Младший чистильщик Преддверия.

Первичное распоряжение смотрителя: Провести ревизию сектора 1-F до наступления Большого Колокола.

Предостережение: Не подходить к вратам Запретной Секции ближе чем на три локтя. ОНИ чувствуют свежую кровь...»

Вадим медленно повернул голову в сторону циклопических железных врат с надписью «Вход смертен».

Ничего не изменилось. Те же ржавые потеки, те же багровые руны, скованные тяжелыми цепями. Но теперь, когда его чувства обострились после получения второго уровня, он заметил то, чего не видел раньше.

Сквозь узкую щель между чугунными створками, прямо по полу, сочился тонкий, стелющийся туман цвета залежалого пепла. Он медленно тек в его сторону, словно щупальце гигантского спрута, ощупывающего границы своей клетки.

И в тишине катакомб, прямо из-за толщи смертоносного металла, раздался звук.

Это не было стоном. Не было рыком.

Кто-то там, во тьме Запретной Секции, медленно, с наслаждением и тягучей тоской перелистывал страницы невообразимо огромной книги. Шелест сухой кожи отдавался в костях мелкой дрожью.

Ш-ш-шах... Ш-ш-шах...

А затем из щели донесся вкрадчивый, шелестящий шепот, прозвучавший не в ушах, а прямо в глубине его сознания:

— *Ты принес... чистые... страницы, библиотекарь?.. Мы так... голодны...*

Вадим медленно поднял костяную гладилку, перехватил ее поудобнее, словно стилет, и отступил на шаг назад, в круг зеленого света лампы.

Первый рабочий день в Архиве только начинался.

Глава 2. Плотоядный Кодекс

Зеленоватый свет масляной лампы очерчивал на каменных плитах дрожащий круг безопасности диаметром не более двух шагов. За его пределами царила первозданная, стылая тьма колоссального книгохранилища, пахнувшая вековой пылью, истлевшей кожей, железным купоросом и застарелой желчью.

Вадим стоял не шевелясь. Пальцы, сжимавшие костяную гладилку, побелели от напряжения. На кончике инструмента еще мерцала крошечная радужная капля нейтрализующего состава, вступая в беззвучную реакцию с воздухом катакомб.

Из щели под циклопическими чугунными створками Запретной Секции полз пепельный туман. Он не рассеивался, а тянулся по швам между плитами, словно жадные, слепые усики хищного лишайника. Шепот в голове, влажный и нетерпеливый, эхом перекачивался по извилинам:

«...Мы так... голодны...»

Перед глазами мягко всплыла системная плашка, сотканная из бледных золотистых искр.

- > **[Внимание! Ментальное давление: «Зов Запечатанных Глубин»].**
- > **[Класс угрозы: Неизмеримый (Сектор Небытия)].**
- > **[Дистанция до источника: 3,4 локтя. Внимание: вы находитесь в критической близости к барьеру!]**
- > **[Ваша воля: 14 (+2 от базового запаса)].**
- > **[Пройдена проверка сопротивления: Успех (эффект «Легкая дезориентация» отражен пассивным навыком «Профессиональная отстраненность переплетчика»)].**
- > **[Рекомендация Архива: Немедленно разорвать визуальный и слуховой контакт. Отступите за демаркационную линию].**

Вадим не заставил повторять себе дважды. Медленно, не поворачиваясь к воротам спиной и не делая резких движений, чтобы не потревожить струящуюся поземку тумана, он сделал три шага назад. Металлическая полоса, впаянная в каменный пол — та самая граница в три локтя, о которой предупреждал журнал, — глухо звякнула под каблуком его грубого чистильщицкого сапога.

Едва подошва пересекла спасительную черту, пепельные струйки судорожно дернулись, словно наткнулись на раскаленную невидимую стену, зашипели и втянулись обратно под чугунные створы.

Звук перелистываемых страниц по ту сторону стих. Шепот растворился, оставив во рту горький привкус жженой кости.

Вадим шумно выдохнул, чувствуя, как по спине между лопаток сбегает струйка холодного пота. Сердце колотилось о ребра, словно костоправный молот по наковальне. Он опустил гладилку, но убирать ее в поясную петлю фартука не стал. В этом месте инструмент был единственным оружием, отделявшим разумного человека от превращения в сырье для переплетных мастерских Бездны.

— Смена принята, значит... — негромко пробормотал он сам себе. Собственный голос показался хриплым, чужим, но помог окончательно разогнать морок. — Младший чистильщик Преддверия. Ну что ж, в прошлой жизни я восстанавливал инкунабулы пятнадцатого века и дышал парами фенола в сырых подвалах реставрационных мастерских. Суть работы не изменилась. Разве что здесь книги имеют дурную привычку огрызаться.

Он бросил взгляд на свой статус. Окно интерфейса откликнулось плавно, раскрываясь словно хорошо смазанный переплет фолианта:

- > **[Персональная карточка сотрудника]**
- > **Имя:** Вадим Летов
- > **Должность:** Младший чистильщик Преддверия (Архив Семи Склепов)
- > **Уровень:** 2 (Опыт: 40/300)
- > **Здоровье:** 110/110
- > **Энергия концентрации (Мана ремесла):** 85/90
- > **Характеристики:**
- > • Сила: 10
- > • Ловкость пальцев: 16 (+2)
- > • Выносливость: 11
- > • Восприятие дефектов: 15
- > • Воля: 14
- > • Эрудиция архивного дела: 13
- > **Классовые навыки:**
- > • *[Реставрация фолиантов (Базовый)]* — Ур. 2. Позволяет распознавать природу повреждений бумаги, кожи и пергамента, а также применять простейшие консервационные составы.

> • *[Анатомия книги]* — Ур. 1. Вы видите слабые места в конструкциях переплетов: капталы, фальцы, бинты корешка и узлы сшивки блоков.

> • *[Твердая рука]* — Пассивный. Снижает тремор при точечных операциях на 40%. Повышает шанс критического попадания тонким инструментом по уязвимым узлам.

> **Текущее задание Архива:** «Первичная ревизия сектора 1-F».

> *Условие:* Проверить сохранность фондов на стеллажах с 1 по 12. Устранить незначительные проявления энтропии.

> *Ограничение по времени:* До первого удара Большого Колокола (осталось: 2 часа 14 минут).

> *Штраф за провал:* Понижение в должности до категории «Органический компост переплетного чана».

— Перспектива так себе, — хмыкнул Вадим, оправив тяжелый кожаный фартук.

Фартук этот был шедевром утилитарного кошмара. Сшит из дубленой шкуры неизвестного тваря, устойчивой к кислотам, с десятком узких кармашков для скальпелей, скребков, костяных гладилок, мотков льняной вощенной нити и склянок с реактивами. На правом бедре в медном тубусе покачивался его главный рабочий арсенал — кисти из щетины горного вепря и тот самый свинцовый пузырек с растворителем ядовитых чернил, в котором осталось едва ли две трети драгоценной жидкости.

На левом боку висел тяжелый металлический пенал, пристегнутый широким ремнем. Вадим щелкнул защелкой, проверяя содержимое.

Внутри, на бархатной подложке цвета запекшейся крови, покоились три предмета особой важности.

Первый — миниатюрный шорный нож из матовой инструментальной стали с односторонней заточкой.

Второй — моток тончайшей серебряной проволоки для сшивания фолиантов высшего порядка.

И третий... Вадим замер, коснувшись кончиками пальцев холодного металла.

Тонкая, длинная полоса кованого серебра, гибкая, словно лезвие шпаги, шириной в два пальца. Ее поверхность была сплошь покрыта тончайшей гравировкой — микроскопическими замыкающими рунами и защитными формулами стискивания. На верхнем конце крепилось массивное граненое навершие в виде восьмиконечной печати с вкраплением мутного сапфира, а нижний конец был заострен под углом сорок пять градусов, образуя идеальный режущий клин.

> **[Серебряная закладка-печать (Служебный инвентарь Чистильщика)]**

> **Тип:** Ритуально-технический инструмент / Ограничитель подвижности.

> **Качество:** Редкое (Казенное имущество Архива).

> **Прочность:** 50/50.

> **Свойства:** При введении в тело книжного блока вдоль корешкового отступа блокирует циркуляцию магических токов гримуара, временно парализуя кинематику челюстных капталов и шарниров переплета.

> *Ограничение:* Действует только на сущности книжной природы рангом не выше «Проклятый кодекс (Младший)».

> *Примечание:* «Хорошая закладка держит страницу. Идеальная закладка держит тварь за глотку».

— Вот ты мне и понадобишься, чуеет мое сердце, — прошептал Вадим, захлопывая пенал.

Он снял со стойки переносную лампу. Стекланный колпак защищал фитиль, плавающий в густом изумрудном масле — экстракте желчи глубинных червей, отпугивающем мелких бумажных паразитов. Свет лампы был тусклым, но вязким, он не рассеивался во мраке, а пробивал в нем коридор видимости саженей на пять вперед.

Повернувшись спиной к воротам Смерти, Вадим зашагал по главному проходу Преддверия.

Архив подавлял своим циклопическим масштабом. Это не было обычной библиотекой с уютными дубовыми стеллажами и запахом ванили от стареющего лигнина. Это был готический склеп циклопических масштабов. Стеллажи уходили ввысь на десятки метров, теряясь во тьме сводчатых потолков, откуда свисали тяжелые цепи и противовесы механических лестниц. Сами полки были отлиты из черного чугуна, покрытого мелким рифлением, предотвращающим скольжение, и каждая секция запиралась массивной решеткой с руническим замком.

Тысячи книг. Десятки тысяч.

Они спали. Вадим чувствовал их сон кожей, через вибрацию плит под ногами. Одни тома мерно гудели, словно высоковольтные трансформаторы, испуская тонкие запахи озона. Другие тихо постанывали, ворочаясь на полках, скрипя высушенной кожей переплетов. Некоторые фолианты были закованы в индивидуальные кандалы: их обложки из сыромятной человеческой или демонической кожи дергались, когда мимо проносился свет лампы, словно спящие псы, видящие во сне охоту.

Сверху донесся глухой, металлический рокот. Гигантские шестерни часового механизма где-то под куполом провернулись, отсчитывая еще одну долю часа до Большого Колокола.

— Сектор 1-F... — Вадим взгляделся в бронзовые указатели, вбитые в торцы стеллажей.

Буквы были полустерты, тронуты едкой зеленью патины. «1-A: Трактаты по распаду плоти»... «1-C: Метафизика гниения душ»... «1-E: Литургии Угасающего Солнца»...

И, наконец, глубокая темная ниша, уходящая влево от центральной галереи. На кованой арке красовалась выбитая надпись: **«Сектор 1-F. Малые хищные кодексы и бестиарии переходных форм. Внимание: уровень биологической активности — умеренный».**

— Умеренный, говорите? — пробормотал Вадим, поднимая лампу повыше. — Значит, зубы у них уже выросли, а вот мозгов еще не прибавилось.

Он перешагнул через порог арки. Воздух здесь был заметно теплее и влажнее, чем в главном проходе. Пахло скотобойней, сырым погребом и специфическим, ни с чем не сравнимым сладковатым душком разлагающегося костного клея.

Вдоль узкого прохода тянулись двенадцать стеллажей. Но что-то здесь было не так.

Вадим сразу заметил аномалию. Его профессиональный взгляд, натренированный годами реставрационной работы и подкрепленный пассивным навыком *[Восприятие дефектов]*, выхватил из темноты детали, которые обычный человек считал бы игрой теней.

Начиная с третьего стеллажа, полки были пусты наполовину. Но книги не были сняты аккуратно читателями или зрителями. Чугунные прутья решеток на седьмом и восьмом стеллажах были согнуты наружу с чудовищной силой. На серых каменных плитах пола темнели рваные, грязные полосы — словно кто-то волочил тяжелый, когтистый предмет, оставляя глубокие борозды в твердом граните.

А в воздухе висели обрывки.

Белые, желтоватые, пергаментные клочья. Они не просто падали на пол — они сочились полупрозрачной, клейкой сукровицей, которая медленно капала с краев разрывов, тихо шипя при контакте с камнем.

> **[Внимание! Обнаружены следы акта библиофагии (пожирания книг).]**

> **[Объект нападения: Учебный атлас анатомии гулей (3-е издание, инвентарный номер 1-F-089).]**

> **[Статус объекта: Уничтожен на 85%. Корешок перекушен, тетради растерзаны, форзац пожран].**

> **[Агрессор: Не идентифицирован. Следы ведут вглубь прохода к стеллажу №11.]**

Вадим присел на корточки возле одного из растерзанных обрывков. Стараясь не касаться липкой жижи голой кожей, он кончиком костяной гладилки перевернул фрагмент листа.

Печать была выполнена на грубом пергаменте. Текст состоял из латинских анатомических терминов, перемежающихся некромантическими глифами. Но края разрыва были характерными: не ровный срез ножа, не естественный надрыв по волокнам, а треугольные, рваные пробоины, расположенные правильной дугой.

Следы зубов. Острых, частых, мелких, словно у глубоководной рыбы или крупного хищного грызуна.

— Стервятник, — тихо произнес Вадим. — Слабый фолиант сбежал из ячейки и сожрал соседа, чтобы набрать массу и восстановить поврежденный переплет. Классическая девиация нестабильных гримуаров.

Он поднялся, чувствуя, как внутри нарастает холодная, расчетливая собранность. Страх отступил — включился профессиональный азарт патологоанатома и реставратора. В его понимании любая взбесившаяся тварь оставалась всего лишь предметом материальной культуры: бумагой, клеем, нитками и кожей. А против материалов всегда есть законы физики, химии и сопромата.

Вадим бесшумно двинулся вперед вдоль стеллажей. Лампу он приглушил, повернув медное кольцо на горловине, оставив лишь узкую полоску изумрудного света, бьющую строго под ноги.

Стеллаж №9... Решетка сорвана с петель. На полу валяется обложка от «Сборника проклятий малой крови» — картонные сторонки выпотрошены начисто, весь блок страниц выдран с мясом вместе с марлей и каптальными лентами.

Стеллаж №10... Здесь бойня была еще свежее. На чугунной полке пульсировал темный сгусток типографской краски, смешанной с желчью.

И, наконец, стеллаж №11.

Здесь проход заканчивался тупиком — глухой базальтовой стеной, покрытой защитной сеткой из свинцовых заклепок. Отступить было некуда.

В самом углу, на верхней полке, куда едва доставал свет лампы, что-то шевелилось.

Это было не дыхание. Это был хруст. Сухой, омерзительный хруст разрываемой бумаги и хлюпанье густого, застоявшегося декстринового клея.

Вадим медленно поднял лампу, направляя луч в угол под потолком.

Зеленый луч вспорол мрак — и выхватил чудовище.

Оно сидело на чугунной балке, вцепившись в нее четырьмя костяными наростами, торчащими из углов тяжелого переплета. Размером оно превосходило самый массивный церковный требник: не менее трех четвертей локтя в длину и полулоктя в толщину.

Переплет был обтянут иссиня-черной кожей, покрытой мелкой, вибрирующей чешуей, похожей на кожу акулы или гигантской змеи. По центру верхней крышки переплета вздувался багровый нарост, напоминающий пульсирующий глаз без века, окруженный глубоким блинтовым тиснением в виде сплетающихся щупалец.

Но самым жутким был обрез книги.

В нормальных книгах обрез — это ровный, гладкий срез бумажного блока, иногда позолоченный или торшонированный. Здесь же трехсторонний обрез представлял собой разинутую, слюнявую пасть. Сотни тончайших, полупрозрачных страниц из выдубленной кожи утробных плодов вылезали наружу, и каждая страница оканчивалась рядом загнутых назад, игольчатых зубов из черного обсидиана.

В этой пасти сейчас исчезали остатки какого-то тонкого молитвенника. Гримуар методично, судорожными толчками заглатывал чужие страницы, перетирая их челюстными рядами. Из-под его корешка с шипением сочилась смолистая черная жижа, капая на нижние полки.

Багровый глаз на обложке резко повернулся, зафиксировав взгляд на Вадиме.

Зрачок-щель расширился. Пасть с чавканьем захлопнулась, проглотив недоеденный корешок жертвы. Из щелей между листами вырвался низкий, вибрирующий рык, от которого задрожали металлические полки.

Перед глазами Вадима вспыхнула алая системная рамка с черепом:

> ****[Обнаружена враждебная сущность!]****

> ****Наименование:**** «Клыки Черной Луны» (Гримуар темного проклятия / Плотоядный Кодекс)

> ****Редкость:**** Проклятый (Младший круг Архива)

> ****Уровень угрозы:**** 4 (Опасность для Чистильщика: Высокая)

> ****Состояние:**** Насыщающийся / Агрессивный / Нарушение структуры блока (+15% к массе за счет пожранных страниц)

> ****Анатомический анализ:****

> • ***Переплетные крышки:** Дубленая кожа глубоководного левиафана (Высокое сопротивление рубящему и дробящему урону).

> • ***Каптал:** Мышечно-костяной замок повышенной жесткости (Управляет смыканием челюстей).

> • ***Корешок:** Членистый, ложно-позвоночный (Слабое место: межтетрадные связки).

> • ***Ляссе (закладка):** Мышечный жгут-язык с ядовитым шипом на конце (Дистанция поражения: до 4 локтей).

> ****Внимание!**** Сущность готовится к атаке с воздуха!

— Пятый уровень против второго, — сквозь зубы процедил Вадим, мгновенно смещая центр тяжести и уходя в полуприсед. — Переплет на пяти бинтах, усиленный фальц... Классическая конструкция боевого фолианта эпохи Черных Морей.

Книга не стала ждать.

С резким хлопком, похожим на выстрел, тяжелые переплетные крышки распахнулись на сто восемьдесят градусов. Это было физически невозможно для нормальной книги — такой угол раскрытия вырвал бы любой каптал с корнем. Но «Клыки Черной Луны» использовали этот рывок как катапульту.

Чудовищный том сорвался с верхней полки и метнулся вниз, целя прямо в лицо Вадима!

Воздух взрезал свист десятков страниц-лезвий. Раскрытая пасть обнажила ряды обсидиановых зубов, источающих кислотную слюну. Если бы эта тварь захлопнулась на его голове, череп лопнул бы, как гнилой орех.

«Твердая рука!» — мысленно рявкнул себе Вадим.

Время словно загустело, повинувшись взлету адреналина и обостренному ***[Восприятию дефектов]***. Он не стал пятиться — в узком проходе это означало запутаться в полах фартука и упасть на растерзанные обломки.

Вместо этого он сделал резкий шаг вперед и вправо, подныривая под траекторию полета твари, и со всей силы выставил вперед тяжелую лампу.

КРАХ!

Гримуар с глухим ударом врезался в медный корпус лампы. Стекло разлетелось вдребезги, изумрудное масло выплеснулось на раскрытые страницы чудовища.

Тварь взвизгнула — пронзительно, по-пороссячи. Очищенная желчь червей для ее плотоядных листов была все равно что кипящая серная кислота. Бумага по краям начала мгновенно чернеть и скручиваться, из пасти повалил едкий белесый дым.

> ****[Критическое воздействие реагента «Масло Глубинного Стража»!]****

> ****[Нанесен урон: 28 ед. термическо-химического ожога.]****

> ****[Эффект: «Слепота страниц» на 3 секунды. Снижение маневренности на 30%.]****

Кодекс рухнул на каменный пол, бешено извиваясь и хлопая крышками, словно гигантская камбала, выброшенная на берег. Но ярость сделала его только опаснее.

Из-под нижнего каптала, из самого чрева корешка, с шипением выметнулась черная лента.

Это было ляссе. Но не шелковая закладка, а полуметровый живой жгут из переплетенных жил, оканчивающийся треугольным костяным жалом.

Жгут хлестнул наотмашь!

Вадим успел вскинуть левую руку, защищенную толстым кожаным наручем фартука.

УДАР!

Удар был такой силы, что Вадима отбросило к чугунной стойке стеллажа. Металл врезался в лопатки, вышибая дух. Наруч лопнул — костяной шип пробил прочную кожу насквозь и распорол предплечье, оставив глубокую рваную рану.

> ****[Получен урон: 22 ед. физического урона!]****

> ****[Здоровье: 88/110.]****

> ****[Внимание! Наложен эффект: «Трупное заражение чернилами» (-2 ед. здоровья каждые 5 сек. Текущее время действия: 30 сек).]****

Рану обожгло ледяным пламенем. Из пореза потекла неестественно темная, почти черная кровь. Рука мгновенно начала неметь.

Гримуар между тем уже перевернулся. Масло догорало, его обсидиановые зубы скрежетами с такой частотой, что звук сливался в единый ультразвуковой вой. Багровый глаз на переплете налился кровью, сфокусировавшись на ране Вадима.

«ОНИ чувствуют свежую кровь...» — вспыхнуло в памяти предупреждение из журнала.

Книга присела на угловых жуковинах, ее корешок выгнулся дугой, натягивая бинты до предела. Она готовилась к финальному прыжку — прямо на грудь, чтобы вспороть брюхо страшицами-ножами и выпить бьющую из вен влагу.

У Вадима было меньше двух секунд.

Меч? Топор? У него не было этого оружия. Да и бесполезно рубить зачарованную кожу левиафана обычной сталью — клинок просто отскочит или застрянет между тетрадами блока, где его перекусят за долю мгновения.

Книгу нельзя убить как зверя. Книгу можно только ****разобрать****. Или ****запечатать****.

— «Анатомия книги», развертка! — хрипло выдохнул Вадим, активируя навык за счет оставшейся энергии концентрации.

Мир вокруг потерял цвета, окрасившись в монохромные пепельные тона. Но гримуар... Гримуар вспыхнул сложной, многослойной схематической сеткой.

Вадим увидел его не как монстра, а как сложнейший переплетный механизм:

— Две тяжелые стороны из прессованного inferнального картона.

— Семнадцать тетрадей по восемь листов в каждой, сшитых на пять толстых кожаных шнуров-бинтов.

— Главный нервный узел — верхний каптал, сплетенный из сухожилий нетопыря. Именно он передавал импульс от глаза к челюстному аппарату.

— И самое главное: ****отстав****. Пространство между внутренней стороной корешка переплета и сшитым бумажным блоком. Пустотелая трубка, по которой пульсировала темная мана, снабжающая энергией всю структуру.

Если пробить переплетную крышку — клинок соскользнет.

Если бить в пасть — зубы сомнутся и откусят руку.

Но если вогнать клин в полость отступа под каптал...

— Поиграем по правилам строгой библиографии, ублюдок, — процедил Вадим.

Правая рука, подчиняясь пассивному навыку ***[Твердая рука]***, перестала дрожать. Пальцы метнулись к левому бедру, сорвали защелку пенала и выхватили тяжелую, холодную полосу серебра.

****Серебряная закладка-печать.****

Гримуар прыгнул.

Он летел низко, целя в живот, раскрыв пасть на максимальный угол. Воздушная волна пахла смрадом гнилой бумаги и сукровицы. Ляссе- жало свистело следом, готовое добить жертву при промахе.

Вадим не стал уклоняться. Он сделал то, чему учил старый мастер в реставрационной лаборатории Эрмитажа: *«Если фолиант ведет винтом и рвет нити — не держи его силой. Дай ему пойти по направлению деформации и вставь фальцбейн в слабое звено».*

Он шагнул навстречу летящей смерти.

Левую, онемевшую руку в разорванном наруче он выставил вперед, как приманку. Гримуар мгновенно среагировал — жадная пасть с омерзительным чавканьем сомкнулась на толстой дубленой коже наруча чуть выше запястья. Зубы вонзились в материал, сминая его, челюсти сжались с силой гидравлического пресса. Металлическая пластина внутри наруча жалобно затрещала, спасая кость от раздробления.

Боль была чудовищной, но Вадим даже не вскрикнул. Это был расчет.

Пока челюсти твари были заняты его рукой, а переплетные крышки раскрылись под углом смыкания, верхняя часть корешка — каптал — натянулась до предела, обнажив глубокую, темную щель между кожаной спинкой и бумажным телом блока.

Полость отстава. Сердце переплетает.

— Твой формуляр закрыт! — прорычал Вадим.

В правой руке сверкнуло серебро.

Используя всю силу плеча и вес тела, вкладывая в удар каждую единицу параметра «Ловкость пальцев», Вадим вогнал скошенный конец серебряной закладки точно в открывшуюся щель под верхним капталом.

ХРУСТ-С-С!

Звук был такой, словно металлическую полосу вбили в кусок сырого плотного сала, перемешанного с гравием.

Серебряное лезвие вошло вдоль корешка на две трети своей длины, прямо сквозь удерживающие блок шнуры, разрезая внутренние энергетические связи.

Тварь замерла. Багровый глаз на обложке расширился до предела, зрачок превратился в крошечную точку.

> ****[Критическое попадание в анатомический узел: «Полость отстава / Капталный шарнир»!]****

> ****[Активирован эффект предмета: «Серебряная закладка-печать»!]****

> ****[Рунический контур замыкания: Активация!]****

По серебряной полосе змеями побежали ослепительные бело-голубые молнии. Гравированные руны на металле вспыхнули ровным, безжалостным лунным светом.

Гримуар забился в конвульсиях. Его страницы бешено захлопали, пытаясь вырваться, но серебряный стержень в его хребте действовал как раскаленный лом, забитый в позвоночник. Каждое движение причиняло ему невыносимую муку.

Из места прокола с шипением повалил густой, едкий пар. Черная жижа, вытекавшая из корешка, соприкасаясь с серебром, мгновенно высыхала, превращаясь в безвредный серый пепел.

«Вгони печать до упора!» — подсказал внутренний голос мастера.

Вадим перехватил массивное граненое навершие закладки ладонью и с яростным криком навалился сверху всем весом:

— ****ПРИЖАТЬ БЛОК!****

ЩЕЛК!

Восьмиконечная серебряная печать с сапфиром с глухим металлическим стуком врезалась в верхний обрез книги, намертво вдавившись между тетрадами. Рунический круг замкнулся.

Волна очищающего серебряного света прокатилась от корешка к краям обложки.

Обсидиановые зубы на страницах с сухим треском начали обламываться и растворяться, осыпаясь на пол безвредным черным порошком. Мышечные тяжи в переплете одеревенели. Глаз на обложке судорожно моргнул раз, другой... и затянулся мутной, белесой пленкой, превращаясь в обычный выпуклый кабошон из мертвого агата.

Челюсти разжались.

Обессиленная левая рука Вадима выскользнула из пасти чудовища. Разорванный наруч был покрыт дымящимися следами кислоты, но кость была цела.

Тяжелый фолиант рухнул на каменный пол. Страницы больше не шевелились. Они аккуратно, ровно легли друг на друга, сжатые силой серебряной закладки, превратившись в идеальный, гладкий блок из благородного пергамента цвета топленого молока. Черная чешуйчатая кожа на переплете разгладилась, остыла и стала похожа на дорогой сафьян тончайшей выделки.

Над поверженной книгой повисла абсолютная, звенящая тишина катакомб.

Вадим опустил на одно колено, тяжело дыша и прижимая раненую руку к груди. Кровь продолжала капать, но ядовитое жжение начало спадать — очищающая вспышка серебра частично выжгла токсин из раны.

Перед глазами, словно праздничный фейерверк, развернулся каскад золотых и системных сообщений:

- > **[Сущность нейтрализована и переведена в статус: «Законсервированный фонд»].**
- > **[Цель: Гримуар «Клыки Черной Луны» (Уровень 4) успешно парализован и закован в служебную печать].**
- > **[Расчет опыта за бой с превосходящим противником: +260 опыта].**
- > **[Бонус за использование чистого ремесленного метода: +80 опыта].**
- > **[Итоговый опыт: 380/300].**
- >
- > **[ВНИМАНИЕ! ВЫ ПОЛУЧИЛИ НОВЫЙ УРОВЕНЬ!].**
- > **[Ваш текущий уровень: 3].**
- > **[Получено: +1 очко характеристик, +1 очко навыков ремесла].**
- > **[Здоровье и Концентрация частично восстановлены при повышении ранга].**
- > **[Эффект «Трупное заражение чернилами» подавлен иммунной реакцией третьего уровня!].**
- >
- > **[Прогресс навыков].**
- > • Навык *[Анатомия книги]* повышен до 2-го уровня! (Теперь вы видите микротрещины в клеевых слоях и скрытые карманы форзацев).
- > • Получен новый пассивный навык: *[Хватка переплетного пресса]* — Ур. 1. При удержании или блокировании живых книг физическая сила ваших кистей увеличивается на 25%.
- >
- > **[Служебная награда Архива].**
- > За предотвращение акта масштабного разрушения сектора 1-F и нейтрализацию беглого кодекса вам начислено:
 - > • Премия Смотрителя: 15 серебряных архивных марок.
 - > • Репутация в Архиве Семи Склепов: +5 (Текущий статус: «Служащий, подающий надежды на выживание»).
 - > • Право первичного изучения трофея.

Вадим перевел дух. Дыхание медленно выравнивалось. Он достал из кармана фартука чистую льняную ленту, пропитанную квасцами, и зубами затянул тугую повязку на предплечье. Рана ныла, но черная отравка действительно исчезла — кровь сквозь ткань сочилась уже нормального, здорового алого цвета.

Он протянул здоровую руку и поднял поверженный гримуар.

Книга была тяжелой — не меньше пуда. Но теперь она была покойна. Серебряная закладка сидела глубоко в ее теле, сапфир на навершии мерцал ровным, холодным светом, надежно блокируя волю запертого внутри демона.

Вадим провел пальцами по корешку. Гладкая, прохладная кожа. Пять четких, рельефных бинтов. Никаких зубов, никакой слизи.

На корешке тусклым золотым тиснением проступили аккуратные буквы:

«Клыки Черной Луны. Собрание ритуалов призыва теневых гончих и малых пожирателей плоти. Составитель: Магистр Малхор. Исправлено и дополнено».

Ниже всплыла дополнительная карточка предмета:

> **[Гримуар «Клыки Черной Луны» (Усмирен / На консервации)]**

> **Класс:** Запретное знание (Младший круг).

> **Свойства при ношении в инвентаре:**

> • Повышает сопротивление владельца к ментальным атакам на 5%.

> • Пассивный эффект «Запах хищника»: мелкие книжные паразиты (бумажные клещи, книжные черви-трупоеды) избегают приближаться к вам ближе чем на 5 шагов.

> *Примечание переплетчика:* «Требуется полная реставрация: замена форзаца, укрепление внутреннего фальца и постоянная пропитка связывающим раствором. До снятия серебряной закладки безопасен при соблюдении мер предосторожности».

— Трофей первого дня, — криво усмехнулся Вадим. — Неплохо для младшего чистильщика.

Он встал на ноги, подобрав уцелевшие инструменты. Разбитую лампу уже не спасти, но в проходе оставался еще один источник света: серебряное сияние печати на гримуаре давало достаточный радиус обзора, чтобы не спотыкаться во тьме.

Положив усмиренный кодекс под мышку, Вадим вернулся к началу сектора 1-F.

Пора было заканчивать ревизию. Оставалось еще девять стеллажей, и хотя после показательной порки «Клыков» остальные книги на полках сидели тихо, как мыши под метлой, регламент Архива шуток не прощал.

Где-то высоко под сводами катакомб заскрежетал гигантский храповик.

Тяжелый, низкий, вибрирующий звук первого удара Большого Колокола прокатился по бесконечным галереям, заставив содрогнуться вековую пыль на железных карнизах:

ДОМ-М-М...

Звук прокатился по перекрытиям, отозвался гулом в циклопических чугунных воротах Запретной Секции и медленно угас в лабиринтах полок.

Первый час смены истек. До рассвета — если в этом проклятом подземном мире вообще существовало понятие рассвета — оставалось еще бесконечно много времени.

Вадим вытащил из кармана журнал учета, обмакнул перо в чернильницу и твердым почерком вписал в графу ревизии:

«Сектор 1-F. Стеллажи 1–12 осмотрены. Экземпляр 1-F-013 ("Клыки Черной Луны") временно изъят из обращения в связи с грубым нарушением правил поведения в читальном зале. Переплет стабилизирован. К дальнейшей работе готов».

Захлопнув журнал, он направился к следующему сектору. Тьма впереди расступалась перед холодным серебряным блеском его новой закладки.

Глава 3. Реставрация Первого Свитка

Тяжелые подбитые железом сапоги гулко отпечатывали шаг по замшелым гранитным плитам галереи. После усмирения «Клыков Черной Луны» сектор 1-F погрузился в тревожную, противоестественную тишину. Книги на стеллажах, еще недавно скрежещущие застешками и шелестящие ядовитыми страницами, забились вглубь полок, ощущая ауру плененного соседа. Пассивный навык «Запах хищника» работал безукоризненно: стоило Вадиму приблизиться к секциям с полусгнившими дорожными лечебниками или бестиариями низшего круга, как мелкие бумажные клещи размером с ноготь брызгали во все стороны, в панике забиваясь в трещины векового камня.

Миновав поворот у циклопической опоры №4, Вадим остановился перед массивной бронзовой дверью с вытравленным на металле символом раскрытого кодекса, пересеченного скальпелем и костяной гладилкой.

Над дверью тускло тлел аркановый фонарь. В мутном стекле плавал крошечный огонек элементаря, лениво пожирающий испарения серы.

[Обнаружена безопасная зона: Лаборатория реставрации младшего чистильщика №7]

[Статус охранных контуров: Активны. Риск ментального заражения снижен на 40%]

[Скорость восстановления маны и выносливости увеличена на 15%]

Вадим приложил ладонь к медному диску замка. Металл уколол кожу десятком тончайших игл, забирая каплю крови для сверки ауры. Раздался протяжный щелчок, противовесы внутри стены глухо взвыли, и дверь подалась вперед, впуская хозяина внутрь.

Воздух в лаборатории был сухим и холодным. Пахло сургучом, вываренным костным клеем, формалином, сушеной полынью и тем специфическим, слегка сладковатым душком разлагающейся древней кожи, который ни с чем не спутает ни один архивариус.

В центре помещения высился массивный дубовый стол толщиной в два вершка, окованный по краям белым металлом — сплавом олова и серебра, препятствующим утечке дикой магии. По желобам столешницы змеились сточные канавки, сходящиеся к свинцовому резервуару для нейтрализованных миазмов. Вдоль стен тянулись застекленные шкафы с рядами колб, реторт, прессов, тисков, наборов костяных лопаток, волосяных кистей и скальпелей из вулканического стекла.

Вадим бережно опустил «Клыки Черной Луны» в изолирующий саркофаг у стены, щелкнул внешними задвижками и облегченно выдохнул. Кодекс глухо стукнулся переплетом изнутри, но серебряная закладка держала мертво.

Однако отдых отменялся.

На дальнем конце реставрационного верстака, прямо под подвесным матовым рефлектором, стоял тяжелый базальтовый футляр, запечатанный сургучной печатью Архива с личным клеймом Дежурного Смотрителя. Рядом лежал стандартный металлический жетон наряда на внеочередные работы.

Вадим подошел ближе и коснулся жетона кончиками пальцев.

[Получено экстренное задание Архива: «Спасение Реликта»]

[Тип: Профессиональное / Ограниченное по времени]

[Объект: Манускрипт 0-A-001 (Фрагмент протокола Первой Эпохи)]

[Цель: Провести первичную стабилизацию, механическую очистку, восполнение утрат основы и нейтрализовать очаг хроно-распада]

[Штраф за провал: Списание 500 очков ранга, понижение до разряда «Живая приманка», штрафной статус «Должник Архива» на 30 циклов]

[Награда: Опыт профессии +1200, Доступ к закрытому каталогу реагентов 2-го ранга, Право снятия оттиска скрытого знания (при успешности выше 85%)]

— Право снятия оттиска... — медленно произнес Вадим вслух. Глаза его блеснули.

В иерархии Запретной Секции это было равносильно помилованию или золотому билету. Обычно чистильщики лишь затыкали собой бреши в защите и скоблили плоть обезумевших книг, не имея права даже мельком взглянуть на руны внутри. Знание здесь каралось стиранием личности. Но если регламент *разрешал* снять слепок...

Вадим натянул плотные трехслойные перчатки из выдубленной кожи подземного крота, обработанные солями свинца и истолченным лунным камнем, подошел к раковине и повернул латунный кран. Ледяная вода, насыщенная серебром, смыла с предплечий серый налет архивной пыли. Затем он опустил на лицо тяжелые защитные очки с толстыми линзами из дымчатого кварца, переключив боковой ползунок на оправе в режим истинного спектра.

Мир окрасился в глубокие индиговые тона. Потoki фоновой магии проступили тонкими светящимися паутинками, сквозящими из вентиляционных решеток.

Вадим достал тонкий обсидиановый резак и уверенным движением срезал сургуч на базальтовом футляре.

Крышка откинулась с сухим шипением пневматического уплотнителя.

Из недр ларца пахло не холодом и не гнилью — пахло абсолютной, вымороженной пустотой. Словно кто-то открыл створку в бездонный провал между мирами, где никогда не рождались звезды. Звуки в лаборатории мгновенно приглушились: гудение арканового пламени под потолком сделалось едва различимым, а мерное тиканье настенного хронометра превратилось в вялый, спотыкающийся шорох.

На шелковой подложке грязно-пепельного цвета покоился свиток.

Вернее, то, что от него осталось.

Это был длинный отрез пергамента из кожи неизвестного реликтового существа, свернутый в неровную трубку. Внешние витки наполовину обратились в серый прах, осыпавшийся при малейшем колебании воздуха. По краям свитка ползли черные разводы — не плесень, а материализовавшийся хроно-распад, разъедающий саму причинно-следственную связь волокон. Текст, начертанный тускло-золотыми, почти выцветшими чернилами, местами прерывался зияющими пустотами, будто буквы выжгли раскаленной иглой.

Вадим активировал классовой навык.

[Анализ состояния артефакта (Уровень 3)]

[Объект: «Устав Изначального Безмолвия. Часть 1: Гашение»]

[Датировка: Конец Первой Эпохи (До великого Раскола Небес)]

[Физическая целостность: 14.2%]

[Магическая стабильность: Критическая (6%)]

[Активные проклятия/дефекты: Хроно-энтропия 4-й степени, Каверны Пустоты, Синдром резонансного схлопывания]

[Внимание! Артефакт генерирует пассивное поле антимагии радиусом 0.8 метра. Любое применение прямых арканских чар вызовет мгновенную детонацию остаточной структуры!]

— Никакой магии, значит, — пробормотал Вадим, прищурившись сквозь кварцевые стекла. — Только руки, химия и старая добрая школа. Как на первом курсе реставрационного факультета, только цена ошибки — распыление на атомы.

Он глубоко вдохнул, выравнивая пульс. Сердце забило ровно, с мерной тяжестью метронома.

Первый этап: фиксация и обеспыливание.

Дотронуться до такого свитка пинцетом или металлической лопаткой означало превратить его в пыль. Вадим выдвинул нижний ящик верстака и извлек широкий стеклянный колпак, снабженный патрубками и медными кранами. Осторожно, едва дыша, он накрыл базальтовый футляр колпаком, создавая замкнутую камеру.

Затем соединил один из патрубков с баллоном, наполненным очищенным парафиновым газом с примесью экстракта слез древесной наяды.

— Поехали, — тихо скомандовал он себе.

Повернув вентиль, Вадим пустил внутрь камеры тончайшую струйку влажного тумана. Частицы раствора оседали на хрупком, иссохшем пергаменте, напитывая сколлапсировавшие белковые волокна живительной влагой, возвращая им утраченную за тысячелетия эластичность.

[Процесс: Пассивная гидротация древнего пергамента...]

[Прогресс: 12%... 28%... 45%...]

[Внимание! Обнаружена вспышка хроно-плесени в правом нижнем сегменте!]

На внешнем витке пергамента, прямо под слоем тумана, вспузырились крошечные бархатисто-черные споры. Они не просто росли — они пожирали время вокруг себя. Стекланный колпак над этим местом мгновенно покрылся сетью микротрещин от мгновенного векового старения.

Вадим среагировал без колебаний. Рука метнулась к штативу с реактивами. Схватив капельницу с вытяжкой из корня стигийской полыни, смешанной со спиртом и толченым обсидианом, он вставил длинную полую иглу в специальный мембранный шлюз камеры.

Движения были выверены до долей миллиметра. Капля раствора сорвалась с иглы и упала точно в центр черного скопления.

Раздалось тонкое, почти ультразвуковое шипение, похожее на визг растоптанного насекомого. Черные споры обуглились, свернулись в крошечные сухие катышки и отделились от основы.

[Очаг хроно-энтропии локализован. Физическая целостность увеличена до 18%]

[Затраты выносливости: 35 единиц. Текущий запас: 145/180]

— Первый пошел, — смахнув тыльной стороной предплечья выступивший на лбу пот, выдохнул парень.

Спустя сорок минут пергамент напитался раствором достаточно, чтобы его можно было извлечь из камеры и перенести на вакуумный стол.

Теперь начиналась самая тонкая, поистине ювелирная часть работы. Свиток нужно было развернуть, расправить заломы и зафиксировать каждую трещину, не повредив при этом начертанные древние знаки.

Вадим включил педальный насос вакуумного стола. Пористая керамическая плита начала мягко присасывать воздух через микроскопические отверстия. Положив свиток на лист тончайшего майлара, он взял в обе руки костяные гладилки — полированные пластины из ребра реликтового морского змея, обладающие свойством рассеивать статический заряд.

Миллиметр за миллиметром. Дюйм за дюймом.

Он прикасался к краю свернутой кожи, чувствуя ее сопротивление. Пергамент стонал. В ушах Вадима нарастал низкий гул — артефакт сопротивлялся чужой воле. В сознание пытались прорваться чужие, архаичные образы: расколотые циклопические башни из обсидиана, черное солнце, застывшее в зените, и легионы существ в глухих доспехах, падающие на колени перед взмахом одной-единственной ладони.

[Ментальное давление древнего эгрегора: 42 единицы/сек!]

[Активировано сопротивление: «Закалка чистильщика» (+5% к защите), «Ментальный щит архивариуса»]

[Эффект ослаблен на 45%. Вы сохраняете ясность мысли]

— Не на того напал, раритет, — сквозь зубы процедил Вадим. Мышцы его шеи напряглись до каменной твердости. — Я в своем мире дипломы оцифровывал по тридцать шесть часов подряд на сломанном планшетном сканере. Твои видения против недосыпа третьекурсника — легкая рябь на воде.

Он нажал гладилкой сильнее, расправляя чудовищный излом прямо посреди центрального текста.

Хрусть.

Крошечный фрагмент пергамента размером с ячменное зерно откололся и взмыл в воздух, подхваченный возникшим из ниоткуда антимагическим вихрем.

Текст на глазах начал терять золотое свечение. Если фрагмент упадет и раскрошится — смысловая цепочка рухнет, и свиток станет просто куском древней мертвой кожи.

Время словно замедлило свой бег.

Вадим бросил правую гладилку, сорвал зубами перчатку с левой руки — рискуя получить прямой некротический ожог от контакта с веществом Первой Эпохи — и выбросил пальцы вперед.

Он поймал крупцу в воздухе кончиками указательного и большого пальцев.

Кожу мгновенно обожгло диким, нечеловеческим холодом. Казалось, будто руку опустили в жидкий азот. Кожа под ногтями почернела за долю секунды, полоска здоровья в углу обзора дернулась вниз:

[Внимание! Прямой контакт с материей Первой Эпохи!]

[Получен урон: 45 единиц некротическо-энтропийного типа]

[Наложен дебафф: «Онемение нерва» (-30% к ловкости левой руки на 10 минут)]

Не обращая внимания на хлещущую боль, Вадим перенес фрагмент на стол, точно совмещая рваные края волокон с материнским полотном.

— Клей! Живо!

Правой рукой, сохранившей перчатку, он подхватил сотейник с подогретым осетровым клеем, сваренным на дистиллированной воде из ледников Северного Предела с добавлением мелкодисперсного порошка белого жемчуга. Тончайшая колонковая кисть номер ноль коснулась стыка.

Прозрачная, чуть густая капля легла в шов. Капиллярный эффект сработал мгновенно: органический клей затянуло в пористую структуру древнего пергамента.

Вадим тут же накрыл поврежденное место полоской фильтровальной бумаги и прижал полированным кварцевым бруском-грузом.

Холод в пальцах начал медленно отступать, сменяясь тупой ноющей пульсацией.

Золотое сияние букв вокруг восстановленного фрагмента мигнуло, стабилизировалось и разгорелось с новой силой.

[Критический успех! Микрофрагмент возвращен в матрицу]

[Утрата смысла предотвращена. Целостность свитка: 42%]

[Навык «Реставрация древних текстов» повышен до 4 уровня!]

[Получено очко характеристик: +1 к Ловкости рук]

Вадим судорожно перевел дух. Стянул поврежденную перчатку, достал из поясной аптечки пузырек со спиртовой настойкой целебного мха и щедро плеснул на почерневшие пальцы. Кожа зашипела, повалил легкий парок, но чернота отступила, оставив лишь багровый след, похожий на ожог от кипятка.

Он снова надел перчатку. Останавливаться было нельзя: подготовленный пергамент остывал, а клеевые составы имели строго ограниченное время полимеризации.

Теперь предстояло самое сложное — восполнение утраченных частей основы.

По краям свитка зияли огромные каверны, где древняя кожа была съедена временем и магическими всплесками. Без создания удерживающего каркаса свиток невозможно будет свернуть обратно — он просто переломится по линии разрывов.

Для этой операции Вадим приготовил донорский материал: лист японской реставрационной бумаги ручного отлива «Тэнгудзё» плотностью всего девять граммов на квадратный метр, предварительно вымоченный в отваре дубовых галлов и тонированный под цвет ветхого

пергамента. Этот материал был тоньше человеческого волоса, но обладал невероятной прочностью за счет длинных волокон шелковицы.

Действуя латунным пинцетом и скальпелем, он вырезал заплатки, в точности повторяющие очертания утрат, оставляя лишь крошечный нахлест в полмиллиметра.

Каждая заплатка пропитывалась пшеничным крахмальным клейстером высшей очистки, смешанным с каплей эфирного шелка.

Накладывая заплатку на тыльную сторону свитка, Вадим аккуратно притирал ее через нетканый материал маленьким валиком. Волокна растительной бумаги переплетались с остатками коллагеновых волокон древней кожи, создавая неразрывный, эластичный шов, незаметный для невооруженного глаза.

[Восполнение утрат: 10%... 35%... 70%... 100%]

[Структурный каркас манускрипта восстановлен!]

[Физическая целостность: 88.5%]

Свиток лежал на вакуумном столе полностью расправленным. Он представлял собой полосу шириной в два фута и длиной почти в метр. И теперь, когда грязь, плесень и деформации были устранены, текст раскрылся перед Вадимом во всем своем пугающем величии.

Это были не просто буквы.

Строки состояли из клинописных символов, переплетенных со сложнейшими геометрическими диаграммами. Но стоило взглянуть в них пристальнее, как линии начинали двигаться. Они не излучали свет — наоборот, они поглощали его. Чернила были изготовлены из измельченного метеоритного железа, замешанного на желчи глубоководного кракена и пепле пустотных элементарей.

Каждый знак словно втягивал в себя комнатный свет, оставляя вокруг букв крошечные черные ореолы.

Вадим почувствовал, как воздух вокруг стола стал разреженным, будто на вершине ледяной горы. Дышать сделалось трудно.

[Внимание! Матрица свитка полностью стабилизирована]

[Активирован скрытый протокол: «Считывание Истины»]

[Условие выполнения задания «Спасение Реликта» удовлетворено на 91%]

[Вам доступно снятие оттиска знания. Желаете начать ментальную проекцию?]

— Еще бы я не желал, — прошептал Вадим.

Он потянулся к поясу и извлек чистую матричную пластину — тонкий квадрат из полированного селенита, заключенный в серебряную рамку. Стандартный инструмент архивариуса высшей категории, предназначенный для копирования угасающих чар.

Вадим положил пластину над центральной, самой сложной диаграммой свитка, где сходились десятки радиальных лучей, образующих концентрические кольца подавления.

— Запись, — скомандовал он.

В тот же миг тишина лаборатории взорвалась беззвучным грохотом.

Это был ментальный удар колоссальной силы. Защитные очки на лице Вадима мгновенно покрылись паутиной трещин. Аркановый фонарь под потолком с жалобным звоном лопнул, и комната погрузилась в полумрак, освещаемый лишь мертвенно-серым свечением, исходящим от селенитовой пластины.

Воздух исчез.

Вадима швырнуло на колени. Тяжесть, обрушившаяся на плечи, казалась физической — словно на спину опустилась гранитная плита весом в сотню пудов. Мана внутри его энергетических каналов взбунтовалась: внутренний резервуар, доселе спокойный, словно замерз, превращаясь в колючий, неподвижный лед.

[Критическая опасность! Воздействие поля «Изначального Гашения»!]

[Ваш текущий запас маны принудительно заблокирован: 0/210!]

[Все активные заклинания рассеяны!]

[Все пассивные магические артефакты в радиусе 5 метров деактивированы!]

[Сердцебиение замедляется... Скорость кровотока снижена на 50%]

Перед глазами поплыли багровые круги. Вадим захрипел, упираясь дрожащими руками в оковку стола.

Свиток не хотел, чтобы его читали. Он был создан в эпоху, когда маги мнили себя богами, и этот документ был создан лишь для одной цели — низвергать этих богов в грязь, вырывая из их глоток само пламя творения.

«Если я потеряю сознание — меня найдут утром с разорванным сердцем», — обожгла мозг холодная, кристально четкая мысль. Паника отступила. Включился тот самый инстинкт выживания, который вел его сквозь смертоносные ловушки нижних ярусов.

Магия заблокирована? Плевать.

Он никогда и не полагался на нее полностью.

Вадим стиснул зубы так, что хрустнула эмаль. Опираясь на голую физическую силу и непреклонную волю, он заставил свое тело подняться. Мышцы вздулись узлами, сухожилия звенели от запредельного напряжения. Шаг. Еще полшага.

Он дотянулся до стола, схватил тяжелый костяной штитель и с силой вонзил его в центральное гнездо селенитовой рамки, замыкая заземляющий контур на серебряную оковку столешницы.

— Жри это, тварь! — прохрипел он сквозь окровавленные губы.

Избыточный потенциал антимагии, не находя выхода в живом теле, хлынул по серебряным полосам верстака прямо в свинцовый дренажный колодец. Стол задрожал, свинцовые заглушки в полу раскалились докрасна, воздух наполнился едким запахом озона и жженого металла.

Но давление спало.

Свиток судорожно дернулся в последний раз и затих. Золотые буквы на пергаменте перестали поглощать свет — они зафиксировались, навеки впечатанные в укрепленную органику. А на селенитовой пластине, мерцая холодным лазурным огнем, проступил совершенный, законченный оттиск сложнейшей магической структуры.

Перед глазами Вадима развернулся целый каскад сияющих системных сообщений, перекрывающих друг друга.

[Задание «Спасение Реликта» завершено с оценкой: Идеально (96% сохранности)]

[Получен опыт профессии: +1500 (Увеличен за критические условия)]

[Поздравляем! Ваш уровень повышен! Текущий уровень: 14]

[Получено 5 свободных очков характеристик]

[Репутация с фракцией «Смотрители Архива» увеличена на 150 пунктов]

[Открыт доступ к закупке реактивов категории «Эфир-2»]

Вадим тяжело опустился на табурет, чувствуя, как по подбородку стекает тонкая струйка крови из разбитого носа. Он вытер ее рукавом, жадно хватая ртом вернувшийся в комнату прохладный воздух.

Но главное сообщение висело прямо по центру поля зрения, пульсируя золотом высшей пробы:

[Внимание! Обнаружена завершенная матрица заклинания Первой Эпохи]

[Благодаря праву снятия оттиска и классовому бонусу «Архивариус Запретной Секции», вы можете изучить скрытое искусство]

[Желаете интегрировать матрицу в книгу заклинаний?]

— Интегрировать, — не колеблясь ни секунды, произнес Вадим.

Селенитовая пластина вспыхнула ослепительно-белым светом и рассыпалась в тончайшую сверкающую пыль. Пыль эта не упала на пол — она взмыла вверх, закружилась спиралью и устремилась прямо в грудь Вадима, впечатываясь в его ментальное ядро.

Сознание обожгло холодом первозданной пустоты, а затем интерфейс раскрыл подробные характеристики новообретенной силы:

ИЗУЧЕНО НОВОЕ ЗАКЛИНАНИЕ (ЗАПРЕТНЫЙ ТИЕР)

Название: «Печать Первозданного Безмолвия: Удушение Истока»

Ранг: Реликтовый (Первая Эпоха)

Уровень освоения: 1 (0.0%)

Тип: Активное / Мгновенное / Антимагическая стигма

Затраты: 60 единиц выносливости (не использует ману!)

Время применения: Мгновенно

Дистанция: Касание или направленный конус до 3 метров

Время перезарядки: 90 секунд

Эффект:

Наносит удар чистой антимагией пустоты по магическим узлам цели. При успешном контакте вызывает мгновенный коллапс плетения текущего заклинания противника с вероятностью 100% (вплоть до заклинаний 5-го круга включительно).

Дополнительные эффекты:

- ***«Эфирный паралич»:*** Накладывает на цель статус полного безмолвия (невозможность использовать любые магические навыки и активировать артефакты) длительностью ***4 секунды***.

- ***«Обратный ток маны»:*** Если прервано заклинание в момент подготовки, цель получает чистый урон, равный 150% от стоимости сорванного заклинания, а ее каналы получают микроразрывы (дебафф на скорость произнесения чар -40% на 30 секунд).

- ***«Абсолютная сингулярность»:*** Заклинание не может быть заблокировано стандартными магическими щитами, барьерами стихий или рассеяно обычным очищением.

***Историческая справка: «Этим словом закрывали рты тем, кто возомнил себя равным создателям. Когда говорит Безмолвие — магия умирает».*

Вадим смотрел на описание навыка, и губы его медленно растянулись в хищной, торжествующей улыбке.

Это было не просто полезное заклинание. В мире, где подавляющее большинство монстров, проклятых гримуаров и враждебных существей Архива полагались на сложнейшие плетения чар, ментальные атаки и магические щиты — этот навык был абсолютным козырем. Ультимативным рычагом, способным переломить ход любой безнадежной схватки.

И самое прекрасное: оно тратило *выносливость*, а не ману. Его можно было применить даже в эпицентре зоны полного подавления чар. Даже тогда, когда собственный резерв был пуст.

Он посмотрел на свои руки. Ожог на левой руке уже затягивался благодаря поднятому уровню — прилив жизненной силы от распределения характеристик приятно согревал мышцы.

Вадим открыл окно персонажа и без долгих раздумий вложил полученные очки:

[Распределение очков характеристик:]

- ***Ловкость рук:*** 14 16 (+2)

- ***Восприятие:*** 15 17 (+2)

- ***Выносливость:*** 18 19 (+1)

Тело отозвалось приятной гибкостью. Пальцы стали чуткими, словно хирургические зонды, а зрение, даже сквозь треснувшие стекла очков, выхватывало малейшие дефекты полировки стола и микроскопические частицы пыли, парящие в воздухе.

Он перевел взгляд на отреставрированный свиток.

Теперь манускрипт лежал смирно. Древняя кожа была эластичной, трещины надежно схвачены тончайшей шелковичной паутиной, а золотые символы застыли в благородном, ровном спокойствии. Он больше не источал смертоносных волн хроно-распада. Он был законсервирован, исцелен и готов пережить еще несколько тысячелетий во тьме подземных хранилищ.

Вадим достал из футляра специальную ленту из беленой льняной ткани, пропитанной пчелиным воском и порошком ладана. Аккуратно, с величайшей осторожностью он свернул пергамент в тугой, ровный свиток, обвязал его лентой и завязал уставным архивным узлом, не требующим печати.

Опустив реликт обратно в базальтовый футляр, он захлопнул крышку. На полированном камне автоматически вспыхнула зеленая руна завершения протокола.

****[Объект 0-А-001 готов к передаче в Сектор Особого Хранения]****

Вадим подошел к настенному умывальнику, сменил фильтры в защитных очках, ополоснул лицо холодной водой и взглянул на себя в небольшое мутное зеркало над полкой.

Бледное лицо, темные круги под глазами от вечного архивного полумрака, цепкий, колющий взгляд человека, привыкшего ежесекундно ждать удара из темноты. Но теперь на дне этих зрачков тлел едва заметный отблеск лазурного пламени — след коснувшейся его первозданной пустоты.

Где-то далеко в коридорах вновь проснулся механический колокол катакомб.

ДОМ-М-М...

Второй удар. Прошло два часа смены.

Впереди лежали неизведанные сектора, тысячи взбесившихся томов, голодные хищные кодексы и древние тайны, погребенные под тяжестью веков. Но теперь Вадим был не просто уборщиком с метлой и склянкой клея.

Теперь у него было оружие, способное заставить замолчать даже богов.

Поправив ремни с инструментами на поясе и проверив надежность защелок на наручах, младший чистильщик Вадим шагнул к выходу из лаборатории. Бронзовая дверь скользнула в паз, выпуская его обратно в холодный, затаившийся лабиринт Запретной Секции.

Глава 4. Проверка Инспектора

Микроскопические частицы пыли, парящие в воздухе, казались крошечными застывшими искрами в тусклом люминесцентном свечении мховых светильников. Воздух за пределами реставрационной лаборатории был тяжелым, холодным и пропитанным многовековым осадком сырости, кислого распада пергаментов и терпкого, щекочущего ноздри озона. Каждый вдох отзывался в легких металлической горечью — характерным привкусом дикой, неконтролируемой маны, сочившейся сквозь трещины в монолитных базальтовых плитах.

Бронзовая дверь лаборатории с глухим лязгом встала на место, запечатав за спиной Вадима островок относительной безопасности. Защитные руны на створках вспыхнули тусклым багрянцем и угасли, переходя в дежурный режим охраны.

Вадим остановился на верхней ступени широкой винтовой лестницы, ведущей в центральную галерею Сектора Ноль.

Перед ним расстилалась Запретная Секция.

Это не было обычной библиотекой с рядами аккуратных стеллажей и тихими читальными залами. Это был исполинский склеп забытых мыслей, циклопический колодец, уходящий в недра земли на многие мили. Вверх и вниз, насколько хватало взгляда, тянулись бесконечные галереи из черного зачарованного железа и обсидиана. На полках, закованные в цепи из

холодного серебра, дремали тысячи гримуаров. Некоторые из них слабо пульсировали, словно живые сердца; другие тихо исходили белесым ядовитым паром, разъедавшим железные прутья решеток; третьи шептали на языках, от которых в ушах звенело, а перед глазами начинали кружиться рваные багровые пятна.

Но прямо сейчас вокруг царила непривычная, неестественная для этого гиблого места тишина.

Шорохи, обычно наполнявшие коридоры — скрежет костяных застежек, яростное бие-ние кожаных крыльев-обложек и шипение голодных паразитических страниц — затихли. Сто-ило Вадиму сделать шаг вперед, как полупрозрачная лазурная рябь, струящаяся вокруг его пальцев, едва заметно всколыхнула ткань реальности. Гримуары на ближайших полках син-хронно втянулись вглубь своих каменных ниш, стараясь стать как можно меньше и незаметнее.

Они боялись его.

Точнее, они панически боялись той бездонной, вымораживающей Пустоты, крупица которой теперь намертво спаялась с душой простого землянина, волей чужой магии заброшен-ного в это проклятое подземелье.

Вадим мысленно активировал системный интерфейс. Перед внутренним взором немед-ленно развернулась лаконичная серо-стальная таблица.

[Внимание: Вы находитесь в зоне повышенной энтропийной опасности: Сектор 0-А («Катакомбы Шепотов»)]

[Текущий статус: Младший чистильщик Архива (Ранг 1)]

[Энергетический резерв: 110/110 (Печать Пустоты пассивна)]

[Хроно-стабильность тела: 99.8% (Эффект восстановления успешен)]

[Активные навыки:]

— «Взгляд Архивариуса» (Уровень 2): позволяет видеть узлы плетения, возраст и сте-пень повреждения артефактов.

— «Рука Безмолвия» (Уровень 1): подавление магических возмущений низшего порядка силой Первозданной Пустоты.

— «Реставрация низшего ранга» (Уровень 3): базовые навыки работы с фолиантами до IV класса опасности.

Вадим удовлетворенно хмыкнул, поправил на плече широкий кожаный ремень, на кото-ром покачивался запечатанный базальтовый тубус с восстановленным Свитком Хроно-рас-пада, и не спеша спустился по ступеням.

В его руках была простая уставная метла из сушеных веток громового вереска и ведро с раствором нейтрализующей щелочи. Для стороннего наблюдателя он по-прежнему выгля-дел всего лишь жалким смертным без искры истинного чародейства, которого верховные маги Академии отправили сюда на верную и мучительную гибель. «Пушечное мясо для утилиза-ции фолиантов», как презрительно бросил в спину распорядитель гильдии, когда захлопывал тяжелый засов внешнего лифта.

Но утилизироваться Вадим категорически не собирался.

Внезапно сверху, с высоты главного транспортного ствола, донесся тяжелый механи-ческий стон. Загудели огромные противовесы, заскрежетали шестерни лебедок, отлитые из белого чугуна. Огромная цепь, звенья которой были толщиной с бычье туловище, с лязгом дернулась, сбрасывая вековые наросты ржавчины.

Спускная клеть. С верхних ярусов кто-то спускался.

Вадим даже не вздрогнул. Он спокойно подошел к высокому пюпитру из мореного море-ного дуба, стоявшему в центре перекрестка галерей, аккуратно поставил ведро на плиты пола, опер метлу о край перил и посмотрел на круглую шахту подъемника.

— Два часа сорок минут с начала смены, — тихо пробормотал он себе под нос, глядя на наручный медный хронометр. — Пунктуально. Господа архимаги не любят ждать, когда речь заходит о подтверждении чьей-то смерти. Им же нужно закрыть табель и списать пайки.

Тяжелая железная клеть, окруженная мерцающей сферой защитного барьера десятого ранга, с шипением коснулась приемной площадки. Защитные чары с гулом рассеялись, осыпавшись наземь снопом бледно-голубых искр.

Створки разошлись в стороны.

Первым из клетки появился не сам гость, а плотное облако благовоний — смесь сушеной горной лаванды, толченого солнечного янтаря и очищающего солириума. Этот аромат аристократы использовали, чтобы перебить смертоносное зловоние нижних секторов и защитить легкие от проникновения мелких спор спонтанной некромантии.

Следом ступил и сам визитер.

Это был молодой мужчина лет тридцати, облаченный в роскошную многослойную мантию из шелка цвета ночного индиго. По плечам и подолу висла сложнейшая золотая вышивка — рунические круги поглощения стихий, герб знатного дома Валь-Рейн и знак Младшего Архимага третьей ступени: серебряный феникс, держащий в когтях раскрытый свиток.

Его холеное, аристократически бледное лицо выражало смесь безразличия, скуки и снисходительного любопытства. В тонких пальцах, унизанных кольцами-накопителями с чистейшими сапфирами, маг держал полированный жезл из белой кости виверны, наверх которого непрерывно пульсировало защитным полем.

Младший архимаг Кассиан Валь-Рейн. Тот самый человек, который лично подписал приказ о назначении «бесполезного иномирного отброса без дара» на самоубийственный пост в нулевом секторе.

За спиной архимага испуганно жались двое служек в грубых холщовых балахонах, с ног до головы увешанные защитными амулетами, масляными фонарями и запасными свитками изгнания скверны. В руках одного из них были тяжелые носилки из огнеупорной ткани — инструмент, предназначенный исключительно для переноски изуродованных останков.

— Осторожнее, недоумки, — процедил сквозь зубы Кассиан, прижимая к носу надушенный шелковый платок. — Не наступайте за пределы круга освящения. Если спора гнилостного кодекса коснется ваших сапог, мне придется испепелить вас прямо на месте вместе с обувью. Я не намерен тратить целебные зелья на чистку плембеев.

— Да, ваша милость... Слушаемся, господин архимаг, — испуганно забормотали служки, вытягивая головы в плечи.

Кассиан сделал несколько шагов по направлению к галерее, небрежно покручивая костяной жезл. На его губах играла холодная, сытая усмешка человека, пришедшего зафиксировать неизбежное.

— Ну и где этот упрямый дурак? — громко, с явным расчетом на эхо, произнес маг. — Надеюсь, гримуар хроно-распада оставил от него хотя бы кости или зубы. По уставу Отдела Утилизации, чтобы признать смертного ликвидированным при исполнении и списать казенный инвентарь, мы обязаны предъявить инспектору фрагмент скелета массой не менее трех сотен гран...

Его голос внезапно оборвался.

Кассиан вышел на пересечение центральной оси сектора и замер.

Его взгляд, до этого лениво блуждавший по стенам в поисках луж крови, обгоревших ошметков плоти или следов отчаянной агонии, наткнулся на фигуру у пюпитра.

Вадим стоял прямо, заложив одну руку за спину, а второй опираясь на черенок вересковой метлы. Его рабочий комбинезон из толстой брезентовой парусины был безукоризненно чист, защитные очки аккуратно сдвинуты на высокий лоб, а лицо выражало исключительную, профессиональную вежливость рядового служащего, дождавшегося визита начальства.

— Доброго времени суток, господин инспектор, — ровным, спокойным голосом произнес Вадим. Эхо его слов отчетливо и сухо раскатилось по спящей галерее. — Смена протекает в строгом соответствии со статьей двенадцатой Архивного Регламента Империи. Рад видеть вас в добром здравии.

Служки позади Кассиана остолбенели. Один из них от неожиданности выронил деревянные ручки носилок, которые с глухим стуком ударились об обсидиановые плиты.

Сам младший архимаг застыл на месте, словно получил в грудь полновесный парализующий разряд. Его глаза, подведенные тонким слоем сурьмы по столичной моде, медленно расширились. Надушенный платок в пальцах опустился.

— Ты?.. — выдавил Кассиан. Высокомерный, бархатный тембр сменился растерянным сипом. — Ты жив?!

— Никак нет, господин архимаг, в смысле — так точно, жив и исполняю свои прямые обязанности, — с легким намеком на армейскую выправку отозвался Вадим. — Смерть сотрудника во время выполнения реставрационных работ первой категории сложности является грубым нарушением трудового договора и влечет за собой штрафные санкции, о чем вы лично изволили предупредить меня перед спуском.

Кассиан судорожно моргнул, словно надеясь смахнуть наваждение. Затем его лицо исказила гримаса ярости и подозрения. Он стремительно вскинул костяной жезл, и на его острие сооткался сложный многоярусный магический круг лазурного пламени.

— Иллюзия! — рявкнул аристократ. — Призрак! Демоническая проекция низшего круга! Эйдолон, созданный паразитическим текстом из остатков его сожранного разума! Отрекись, тварь! *«Светом Истины — обнажи суть!»*

Волна ослепительно-белого диагностического света сорвалась с жезла и ударила прямо в грудь Вадима.

Обычный человек от такого импульса как минимум отлетел бы назад на десяток шагов с ожогами второй степени, а любая нечисть или иллюзорная сущность с визгом распалась бы на эктоплазму.

Но Вадим даже не пошевелился.

В тот миг, когда белое чародейское пламя коснулось его брезентовой куртки, на дне его зрачков на сотую долю секунды полыхнуло темное, ледяное лазурное сияние. Бездонный колодец пустоты внутри него просто втянул в себя весь направленный поток маны, как сухая губка втягивает каплю росы, не оставив даже легкого дуновения.

Системный интерфейс перед глазами Вадима вежливо звякнул:

[Обнаружено внешнее сканирующее воздействие: Заклинание «Око Разоблачения» (Школа Света, Круг 3)]

[Пассивный навык «Печать Пустоты» нейтрализовал направленный импульс.]

[Поглощено: 45 единиц рассеянной маны.]

[Энергетический резерв временно увеличен: 155/110.]

Заклинание архимага развеялось в воздухе без малейшего следа, оставив лишь легкий ветерок, шевельнувший прядь волос Вадима.

— Позвольте доложить, господин архимаг, — невозмутимо продолжил Вадим, словно ничего не произошло. — Использование боевых и диагностических чар третьего круга в радиусе пятидесяти ярдов от секции особо опасных кодексов строго запрещено пунктом «Б» свода правил пожарной и магической безопасности Архива. Подобные всплески могут спровоцировать пробуждение спящих артефактов класса «Мор» и выше. Прошу вас воздержаться от резких магических манипуляций.

Кассиан опустил жезл. Его рука заметно дрожала. Он смотрел на Вадима так, словно перед ним стоял оживший дракон древности, предлагающий выпить чаю.

— Это невозможно... — прошептал архимаг. Он повернулся к своим служкам, которые жались друг к другу, едва ли не скуля от страха. — Вы... вы видите его? Сканирующие амулеты что-то фиксируют?

Один из служек торопливо поднес к глазам сложную медную линзу, закрепленную на длинной костяной ручке, взглянул сквозь нее на Вадима и сдавленно пискнул:

— Никакой эктоплазмы, ваша светлость... Живая плоть. Пульс... девяносто ударов в минуту. Дыхание ровное. Аура... аура почти отсутствует, как у любого безмагического дикаря с нижних окраин. Он... он действительно жив, милорд!

Кассиан сделал шаг вперед, и его сапог из тончайшей кожи виверны скрипнул по камню. Архимаг огляделся по сторонам, и с каждым взглядом его высокомерная уверенность таяла, сменяясь полным, ошеломленным ступором.

Только сейчас он начал по-настоящему замечать то, что творилось вокруг.

Сектор 0-А всегда был местом кошмаров. Сюда ссылали приговоренных к смерти магов-отступников, чтобы они перед казнью хоть немного расчистили проходы от наросшей протоплазмы и паразитической плесени. Никто из них не выдерживал дольше часа. Хроно-миазмы сводили с ума, иссушали тела, превращая цветущих юношей в дряхлых стариков за считанные мгновения, а безумные фолианты вырывались из цепей и сдирали плоть с костей любого, кто осмеливался подойти слишком близко.

Но сейчас...

Обсидиановые плиты пола были вымыты до зеркального блеска. Ни единого пятна кислотной слизи, ни клочка трупного мха. Вдоль плитусов тонкой, идеальной линией лежал рассыпанный порошок извести, смешанной с солью — канонический барьер против ползучих буквеводов.

А полки... Кассиан медленно поднял голову, и его рот непроизвольно приоткрылся.

Стеллаж номер семь. Там веками содержался печально известный «Клыкастый Бестиарий Третьей Эпохи» — свирепый полуживой фолиант в переплете из шкуры пещерного троглодита, обладавший скверной привычкой откусывать руки любому, кто приближался на расстояние взмаха плети. Архимагия Академии признала его неремонтопригодным и постановила держать на тройной цепи из адамантия.

Сейчас «Бестиарий» стоял на специальной деревянной подставке. Цепи были сняты. Его кожаный переплет был тщательно смазан костяным маслом и блестел благородным матовым блеском. Сам кодекс... тихо посапывал. Из щели между страниц вместо ядовитой слюны высывался аккуратный шелковый лоскут закладки.

Когда Вадим сделал шаг в сторону, слегка скрипнув подошвой, грозный фолиант вздрогнул, подобрал уголки переплета и забился поглубже в тень стеллажа, словно нашкодивший пес, боящийся хозяйского тапка.

— Что... что ты с ними сделал? — севшим голосом спросил Кассиан, отступая на полшага назад к клетки. — Чем ты их опоил? Какое запретное зелье ты использовал, тварь?! Ты осквернил архив темным ритуалом?!

Вадим тяжело вздохнул, выражая всем своим видом глубокое терпение опытного чиновника, которому приходится объяснять элементарные вещи некомпетентному начальству.

— Никаких зелий, ваша светлость. Обычное хозяйственное мыло с добавлением соды, три капли уксусной эссенции для нейтрализации щелочной среды и строгая воспитательная беседа с использованием уставного архивного регламента. Фолианты низших категорий обладают рудиментарным эмоциональным интеллектом. Они прекрасно понимают, когда к ним подходят с целью реставрации, а когда пытаются тыкать в них боевыми жезлами, вызывая понятную агрессивную реакцию.

Служки за спиной архимага переглянулись с выражением священного ужаса. Заявить Младшему Архимагу, выпускнику Высшей Цитадели Чародейства, что он просто «неправильно воспитывал» древние проклятые книги — это было неслыханной, умопомрачительной дерзостью.

Кассиан побагровел. Кровь прилила к его бледным щекам, благородная спесь вновь попыталась взять верх над накатывающим животным страхом.

— Чушь! Несусветная, наглая ложь дикаря! — взвизгнул он, взмахнув руками, отчего шелковые рукава взметнулись, как крылья летучей мыши. — Ты увиливаешь! Ты просто прятался в дежурной камере все эти два часа! Ты даже не прикасался к заданию! Где Объект 0-А-001?! Где Свиток Хроно-распада?! Признавайся, ты испугался его печати и бросил реликт гнить во тьме! Это саботаж! Измена Императорской Короне! За это тебя сдерут кожу живьем и...

— Прошу прощения, что перебиваю, господин инспектор, — Вадим спокойно снял с плеча базальтовый тубус и сделал два шага вперед.

Кассиан инстинктивно отшатнулся, вскинув жезл в оборонительную позицию:

— Стой там! Не приближайся!

— Слушаюсь, — Вадим послушно остановился в пяти шагах от мага и опустил тубус на гладкую полированную поверхность дубового пюпитра.

Базальт с глухим стуком коснулся дерева. На крышке футляра ровным, чистым изумрудным светом сияла выведенная руна завершения протокола.

— Объект 0-А-001 подготовлен к сдаче и консервации, — четко отрапортовал Вадим. — Первичный очаг энтропийного распада локализован. Структурные трещины пергамента купированы армирующей шелковичной паутиной. Текст стабилизирован, золотое напыление закреплено ладанным воском. Вторичные временные флуктуации снижены до безопасного нуля.

Кассиан замер с открытым ртом. Его взгляд приковался к изумрудной руне на крышке тубуса.

Зеленый цвет. Руна абсолютного покоя.

Этого не могло быть. Этого просто, во имя всех первородных стихий, не могло происходить на самом деле!

Свиток Хроно-распада был реликтом пятого класса опасности. Его доставили из руин темпоральной крепости две недели назад. Трое старших мастеров-реставраторов Академии отказались даже приближаться к нему, заявив, что свиток нестабилен и взорвется хроно-волной при любой попытке коснуться полотна. Именно поэтому его спустили сюда, в Нулевой Сектор. Кассиан лично позаботился о том, чтобы смертному чужаку выдали именно это задание — идеальный способ избавиться от бесполезного иномирца без лишних вопросов со стороны Надзорной Палаты. Тот должен был превратиться в прах за первые сорок секунд работы!

Дрожащими руками Кассиан потянулся к поясу, отстегнул от золотой цепочки массивный монокль из горного хрусталя, оправленный в звездную медь, и дрожащими пальцами вставил его в правую глазницу.

— Открой, — хрипло приказал архимаг. — Немедленно открой футляр.

— Согласно регламенту, вскрытие тубуса разрешено только при наличии действующего защитного купола класса «Шторм», — предупредил Вадим, слегка приподняв бровь. — Если ваша светлость не уверена в стойкости своих чар...

— Я сказал — открой! — сорвался на визг Кассиан, оскорбленный до глубины души сомнением в его могуществе. — Открой, или я испепелю тебя прямо здесь!

Вадим пожал плечами:

— Как вам будет угодно.

Он протянул руку в грубой рабочей перчатке, коснулся зеленой руны и плавно повернул крышку тубуса против часовой стрелки.

Раздался тихий щелчок освобожденных замков. Металл скользнул по полированному камню. Воздух вокруг попитра на мгновение замер.

Кассиан инстинктивно сжался, готовясь активировать аварийный амулет телепортации, если из тубуса вырвется серый шквал временного гниения. Служки позади него упали на колени, закрывая головы руками.

Но ничего не произошло.

Никакого взрыва. Никакого стоны умирающей реальности. Ни единой серой искры хроно-распада.

Вместо этого по галерее разлился тонкий, невероятно чистый аромат свежего пчелиного воска, меда и благородного церковного ладана.

Внутри базальтового ложа, на подушке из черного бархата, покоился тугой, идеально ровный свиток. Древняя кожа, которая еще три часа назад крошилась от малейшего дуновения, теперь выглядела плотной, налитанной и живой. Она была аккуратно обвязана беленой льняной лентой, а узел — строгий, канонический двойной полупетлевой узел Имперского Архива — лежал ровно по центру, без единого перекоса.

Сквозь монокль Кассиана хлынул поток диагностических рун. Архимаг смотрел на артефакт, и его зрачок судорожно пульсировал, пытаясь осознать увиденное.

Магические линии, пронизывающие свиток, больше не напоминали клубок ядовитых гадюк, готовых разорвать носитель. Они были выстроены в безупречные, гармоничные замкнутые контуры. Энергия времени текла внутри них плавно, как вода по мраморным желобам фонтана.

Перед глазами Вадима тем временем всплыло системное уведомление высокого приоритета:

*[Внимание! Внешний наблюдатель проводит углубленную оценку отреставрированного объекта]**

*[Объект: «Манускрипт Временных Печатей Иллариона»]**

*[Качество реставрации: Совершенное (Ранг SSS)]**

*[Остаточный риск спонтанной детонации: 0.00%]**

*[Срок консервации продлен на: 3 400 лет]**

*[Идентификация наблюдателя: Младший архимаг Кассиан Валь-Рейн. Психоэмоциональное состояние: Глубокий шок, когнитивный диссонанс, подавленный ужас.]**

Монокль с тихим стуком выпал из глазницы архимага. Кассиан едва успел поймать его дрожащей рукой у самой груди.

— Нет... — шептал он, переводя ошалелый взгляд со свитка на Вадима и обратно. — Этого не может быть. Такой уровень... Такая филигранная привязка паутины... Это работа Гранд-мастера! Нет, даже лорд-архивариус Первого Ранга возился бы с этим свитком не меньше лунного месяца, требуя дюжину помощников и три кристалла маны высшей чистоты! Кто... кто тебе помогал?! Кто прячется здесь, внизу?! Выходи, мерзавец! Выходи, предатель ордена!

Кассиан в панике закрутил головой, дико озираясь по сторонам. Ему казалось, что за каждым стеллажом, в каждой тени прячется могущественный заговорщик, решивший выставить его полным идиотом.

В приступе нарастающей истерики архимаг резко взмахнул костяным жезлом, забыв обо всех предосторожностях. Из наверху сорвалась слепая дуга искрящейся синей маны и

с треском хлестнула по верхнему ярусу стеллажей — прямо по сектору редких манускриптов Бездны.

Раздался тяжелый, налитый свинцовой злобой гул.

— Ваша светлость, не делайте этого, — спокойно, но с едва заметным холодом в голосе произнес Вадим.

Но было уже поздно.

На высоте третьего яруса, в глубокой нише, оплетенной толстыми цепями из черного метеоритного железа, зашевелился огромный, массивный том.

Это был «Кодекс Агонии Бездны» — гримуар шестого класса опасности, реликт, созданный сектантами Забытого Бога Боли. Переплет из дубленой кожи казненных еретиков затрепал. Цепи, потревоженные слепым магическим импульсом Кассиана, не выдержали многовековой усталости металла и с оглушительным звоном лопнули.

ГКХ-Р-Р-РА-А-А!

Из щелей между страниц вырвался фонтан густого, липкого багрового тумана, пахнувшего свежей кровью и горелой плотью. В воздухе материализовались сотни полупрозрачных когтистых рук, тянущихся во все стороны. Сам кодекс распахнулся, обнажив пасть из сотен кривых, желтых человеческих зубов, и с диким, сводящим с ума воем ринулся вниз — прямо на архимага!

— Демоны Преисподней! — взвизгнул Кассиан.

Все его столичное хладнокровие и надменность испарились в одну секунду. Он в панике вскинул жезл, пытаясь активировать боевое заклинание «Огненный Серп», но от страха сбился в произношении формулы. Энергетический контур жезла захлебнулся, выдав лишь жалкую вспышку сажи.

Служки у подъемника с истошными криками повалились на пол, зажимая уши и корчась от ментального давления вопящего кодекса.

Огромная зубастая книга, объятая кровавым пламенем, неслась сверху вниз, целясь сомкнуть свои челюсти прямо на голове застывшего в ужасе аристократа. Расстояние сократилось до трех ярдов. Воздушная волна от падения гримуара ударила Кассиана в лицо, обжигая кожу запахом серы.

Архимаг зажмурился, инстинктивно втянув голову в плечи и готовясь к чудовищной боли.

— Тихо, — негромко произнес голос.

Звук был не громче шелеста переворачиваемой страницы. В нем не было ни ярости, ни крика, ни пафоса боевых магов.

Но от этого звука сама ткань пространства в галерее пошла мелкой ледяной рябью.

Вадим даже не сдвинулся с места. Он лишь слегка повернул голову в сторону падающей твари и сделал простое, ленивое движение кистью — короткий щелчок пальцами в воздухе.

В его глазах на мгновение вспыхнуло бездонное, древнее лазурное пламя Первозданной Пустоты. Той самой силы, которая существовала до того, как зажглись первые звезды, и которая останется, когда магия, боги и свитки обратятся в ничто.

[Активирован навык: «Рука Безмолвия»]

[Внимание: Применен модификатор «Власть Смотрителя Запретной Секции»]

[Подавление ментальной и кинетической активности: 100%]

ХЛОП.

Звук был сухим, резким и коротким — словно учитель хлопнул ладонью по парте, призывая к порядку расшалившегося первоклассника.

Багровый туман мгновенно втянулся обратно в страницы, будто его засосало исплинским пылесосом. Когтистые фантомные руки с тихим шипением лопнули, как мыльные пузыри. Кровавое пламя сдуло неведомым ледяным сквозняком.

Челюсти «Кодекса Агонии Бездны» с глухим, жалобным стуком захлопнулись на расстоянии ровно пяти дюймов от кончика носа Кассиана.

Тяжелый, пятидесятифунтовый фолиант замер прямо в воздухе. Не упал, не взорвался, а завис, мелко и унизительно подрагивая всеми своими страницами. Из закрытого переплета донеслось тихое, тоненькое, совершенно щенячье поскуливание.

Вадим медленно подошел к застывшему архимагу, достал из кармана узкую деревянную линейку из темного железного дерева и с сухим стуком опустил ее на торец зависшей книги.

ЩЕЛК.

— Место, — спокойно сказал Вадим. — На полку. Живо.

Кодекс судорожно дернулся. Перевернувшись в воздухе, словно испуганная летучая мышь, грозный артефакт Бездны, способный уничтожить небольшой гарнизонный форт, на невероятной скорости метнулся обратно вверх по спирали галереи. Долетев до своего третьего яруса, он протиснулся в пыльную нишу, аккуратно задвинул себя за остатки разорванных цепей и замер там, притворившись обычным куском мертвого дерева.

В тишине галереи было слышно, как с кончика носа младшего архимага Кассиана Валь-Рейна медленно упала и разбилась об обсидиановую плиту крупная капля холодного пота.

Кап.

Архимаг стоял на полусогнутых ногах, его глаза были круглыми, как блюдца, а нижняя челюсть мелко подрагивала. Великолепная шелковая мантия промокла на спине от ледяного ужаса. Жезл из кости виверны бессильно висел в опущенной руке, упираясь наконечником в пол.

Вадим аккуратно убрал линейку обратно в карман парусинового фартука, достал из деревянного планшета, висевшего сбоку пюпитра, толстый журнал в жестком кожаном переплете и зажал под мышкой чернильницу-непроливайку.

Сделав шаг к оцепеневшему аристократу, он протянул ему деревянный стилус с медным пером.

— Господин инспектор, — голос Вадима звучал мягко, профессионально и до пугающего вежливо. — Согласно параграфу сорок семь Устава Внутренней Службы Государственного Архива, внеплановая проверка состояния сектора считается завершенной после личного освидетельствования отреставрированных единиц хранения и фиксации отсутствия нарушений трудового режима.

Кассиан медленно, словно шарнирная кукла, повернул голову к Вадиму. В его взгляде больше не было ни капли прежнего спесивого превосходства. Там плескался чистый, первобытный, животный ужас человека, который внезапно осознал, что стоит перед бездной, притворяющейся простым клерком.

— Ты... кто ты такой?.. — едва слышно, одними губами выдавил архимаг.

— Младший чистильщик Вадим, табельный номер сорок восемь дробь ноль два, — без тени улыбки представился парень. — Ваша подпись вот здесь, пожалуйста. В графе «Претензий к качеству консервации Объекта 0-А-001 не имею. Состояние сектора признано удовлетворительным».

Вадим развернул журнал перед носом Кассиана и ткнул пальцем в нужную графу.

Архимаг посмотрел на протянутый стилус, словно это была ядовитая гадюка. Его пальцы судорожно свело, но послушаться этого спокойного, негромкого человека в рабочем фартуке он сейчас не посмел бы, даже если бы за его спиной стоял весь верховный совет Цитадели.

Дрожащей, непослушной рукой Кассиан перехватил жезл в левую руку, взял стилус и, царапая плотную бумагу, вывел кривой, смазанный вензель дома Валь-Рейн.

— И печать, будьте любезны, — любезно напомнил Вадим. — Личное клеймо архимага третьей ступени. Без него бухгалтерия не начислит суточную норму концентрата и не выделит дополнительный рулон шелковичной паутины на следующую декаду.

Кассиан торопливо, едва не выронив, сорвал с пальца перстень с печаткой, с силой прижал его к чернильной подушечке и ткнул в журнал рядом с подписью. На бумаге вспыхнул и угас гербовый оттиск с фениксом.

— Благодарю вас, господин инспектор, — Вадим аккуратно принял журнал обратно, подул на чернила, чтобы они быстрее высохли, и захлопнул фолиант с сухим, смачным звуком.

Этот звук заставил архимага снова вздрогнуть всем телом.

— Вы... вы остаетесь здесь? — запинаясь, пробормотал Кассиан, пятясь назад, не спуская глаз с лица Вадима.

— Разумеется, — невозмутимо ответил тот, вешая журнал обратно на крючок пюпитра. — Моя смена заканчивается через девять часов двадцать минут. По плану на сегодня — инвентаризация полок с девятой по четырнадцатую в Секторе Теней и чистка переплетов кодексов ядовитого плетения. Сами понимаете, пыль не ждет. Если ее вовремя не смести, она вступает в реакцию с маной распада, а мне бы очень не хотелось перерабатывать сверхурочно.

Кассиан судорожно сглотнул ком в пересохшем горле.

— Да... Да, конечно. Пыль... Это очень важно. Продолжайте... работу, чистильщик.

Архимаг споткнулся о подол собственной мантии, едва не упал, но был подхвачен очухавшимися служками, которые пятились к подъемной клетке с такой скоростью, словно за ними гналась сама Смерть.

— Наверх! — истерически зашептал Кассиан, вваливаясь в железную клетку подъемника. — Немедленно наверх, идиоты! Поднимайте клетку! Рубите канаты, если застрянет! Живее!

Служки в панике задернули решетку, дернули аварийный рычаг, и защитные сферы вспыхнули вокруг клетки с тройной мощностью. Механизмы натужно взвыли, огромные чугунные шестерни пришли в движение, и железная клетка с бешеной скоростью устремилась вверх по шахте, унося испуганного до полусмерти аристократа прочь из проклятых глубин.

Эхо грохота цепей постепенно затихло где-то в поднебесье колодца.

В галерее вновь воцарилась глубокая, первозданная тишина.

Вадим постоял несколько секунд, глядя вверх на удаляющуюся точку света шахты, затем покачал головой и усмехнулся краешком губ.

Перед его глазами каскадом посыпались золотистые строчки системных сообщений:

[Задание «Первая смена: Выжить любой ценой» успешно завершено!]

[Качество выполнения: Абсолютное превосходство.]

[Шок инспектора архива превысил критический порог (98%).]

[Репутация в скрытом реестре Архива: «Аномальный элемент» -> «Теневой Смотритель Сектора Ноль».]

[Получена награда:]

— Опыт: +15 000 EXP.

— Уровень повышен! Текущий уровень: 7.

— Очки характеристик: +5 (нераспределено).

— Открыт доступ к скрытому системному магазину: «Инструментарий Древних Хранителей».

— Получен пассивный титул: «Тот, кого боятся книги» (Эффект: фолианты до V класса опасности теряют 50% агрессии при прямом зрительном контакте).

— «Тот, кого боятся книги», значит? — вслух прочитал Вадим, чувствуя, как по телу разливается приятное, теплое покалывание от полученных уровней, укрепляя мышцы,

связки и расширяя энергетические каналы. — Звучит неплохо. Во всяком случае, лучше, чем «посмертно списанный инвентарь».

Он подошел к ведру с щелочным раствором, обмакнул вересковую метлу в мутную воду и повернулся к уходящей во мрак галерее Сектора Теней.

В глубине коридора, между массивных железных полок, замерцали сотни голодных, настороженных огоньков — глаза древних кодексов, наблюдавших за ним из темноты. Но теперь в этих огоньках не было ярости.

В них светилось покорное, пугливое ожидание.

Вадим стряхнул лишнюю воду с прутьев метлы, поправил защитные очки и сделал шаг во тьму:

— Ну что, читатели... Приступим к генеральной уборке?

Глава 5. Тайная Комната Архивариусов

Шелест мокрых прутьев вересковой метлы по осклизлому, тысячелетиями не мытому базальту звучал в тишине Сектора Ноль как святотатство. Или как смертный приговор.

Вадим двигался неспешно, с методичностью хирурга, зачищающего загноившуюся рану. Каждый взмах оставлял за собой влажную, пенящуюся полосу: едкий щелочной раствор с тихим шипением разъедал наросший на плитах черный мох — паразитическую форму эфирной плесени, питавшуюся эманациями гниющих заклинаний. Металлическое ведро глухо звякало при каждом шаге, а защитные очки с толстыми линзами из дымчатого кварца отсекали ядовитое ультрафиолетовое свечение, сочившееся из трещин в стенах.

Перед глазами мягко пульсировал интерфейс. Вадим не любил откладывать распределение ресурсов на потом — в таком месте любая заминка могла стоить не просто жизни, а вечного заточения души в переплете какого-нибудь второсортного проклятого кодекса.

— Системное меню. Статус, — мысленно скомандовал он.

Перед ним развернулось полупрозрачное полотно цвета старинного пергамента с золоченой окантовкой:

[Персональный профиль сотрудника]

Имя: Вадим Краев

Истинный класс: Теневой Смотритель Сектора Ноль (ур. 1)

(Маскировочный статус: Помощник младшего архивариуса / Расходный рабочий)

Уровень: 7

Опыт: 2 450 / 18 000 EXP

Здоровье (HP): 420 / 420

Мана (MP): 290 / 290

Психическая стабильность (SAN): 89% *(+10% благодаря титулу «Тот, кого боятся книги»)*

Базовые характеристики:

— **Сила:** 14 (+1)

— **Ловкость:** 16 (+2)

— **Выносливость:** 15

— **Интеллект:** 22

— **Восприятие Архива:** 28 *(Влияет на обнаружение скрытых текстов, ловушек и структурных аномалий)*

— **Архиварная Воля:** 25 *(Влияет на ментальное сопротивление гримуарам и принуждение артефактов к подчинению)*

Свободные очки характеристик: 5

Активные титулы:

— *«Тот, кого боятся книги» (Пассивный: агрессия фолиантов до V класса снижена на 50%; фолианты I–II классов впадают в оцепенение при прямом зрительном контакте).*

— *«Живучий сорняк» (Пассивный: сопротивление токсичным испарениям и эфирному удушию +15%).*

Пять свободных очков. Искушение влить всё в «Архиварную Волю» или «Интеллект» было велико — именно эти атрибуты открывали доступ к расшифровке текстов высшего порядка и укрепляли ментальный щит. Однако опыт работы в закрытых архивах родного мира и уже полученные здесь синяки подсказывали другое: мертвый гений не может листать страницы.

«Три очка — в Восприятие Архива. Здесь слишком много теней, и мне нужно видеть, что в них шевелится, еще до того, как оно решит прыгнуть. Одно очко — в Ловкость: уклонение от летящего с полки зубастого фолианта требует хорошей реакции. И одно — в Архиварную Волю».

[Распределение подтверждено]

[Восприятие Архива: 28 -> 31]

[Ловкость: 16 -> 17]

[Архиварная Воля: 25 -> 26]

Мир вокруг мгновенно обрел пугающую четкость.

Звуки обострились: теперь Вадим отчетливо слышал не просто гулкую пустоту, а сухое шуршание сотен кожаных переплетов в десяти метрах впереди, прерывистое дыхание замурованных в стены химер и медленный, вязкий капкейсерной кислоты где-то под полом. Линии базальтовых плит налились легким контурным светом, а в воздухе проявились пылевые трассеры — дорожки остаточных магических потоков, указывающие направление сквозняков и скрытых вентиляционных шахт.

— А теперь заглянем на прилавок, — пробормотал он, прислонив метлу к стойке стеллажа. — «Инструментарий Древних Хранителей». Открыть магазин.

Пространство перед ним подернулось рябью, и возникла новая вкладка, выполненная из темного, матового обсидиана с гравировкой в виде перекрещенных ключа и костяного стилоса:

[Скрытый арсенал: Инструментарий Древних Хранителей]

Доступные очки Архивной Заслуги (АЗ): 1 500

1. Фосфорный резец печатей (Ранг: Редкий)

Инструмент для безопасного срезания прикипевших магических сургучей и узлов подчинения без детонации матрицы.

Стоимость: 600 АЗ.

2. Костяная игла и нить из сухожилий астрального паука (Ранг: Необычный)

Позволяет сшивать разрозненные страницы плоти и кожи, восстанавливая целостность гримуаров и снижая их ярость.

Стоимость: 350 АЗ.

3. Мыло из жира пустотного угря (Расходник, 3 бруска)

Растворяет скверну до IV ранга, смывает метки слежения, нейтрализует кислотные чернила первобытных демонов.

Стоимость: 400 АЗ.

4. Перчатки из дубленой кожи мантикоры (Ранг: Редкий)

Защита кистей и предплечий от физических укусов, ментальных ожогов при касании ядовитых текстов и коррозии.

Стоимость: 850 АЗ.

— Дорого, но чертовски практично, — констатировал Вадим.

Он без колебаний приобрел *Фосфорный резец* и *Мыло из жира пустотного угря*. Перчатки мантикоры были великолепны, но на них не хватало жалких двухсот очков, а лезть голыми руками во вскрытые печати без резца было чистым самоубийством.

В воздухе сверкнула золотистая искра, и на ладонь Вадима опустился увесистый граненый стержень из полупрозрачного молочно-белого минерала, холодного, как лед подземелий, и плотная воощеная коробочка с тремя черными брусками, пахнущими озоном и сушеной мятой. Остаток баланса: 500 АЗ. Резец занял свое место в специальном кармане рабочего фартука рядом с зубилом и серебряным пинцетом, а один брусок мыла отправился прямо в ведро со щелочью.

Вода в ведре тут же закипела, не нагреваясь: по поверхности побежали серебристые разводы, а едкий запах тухлятины сменился морозной свежестью высокогорного перевала.

— Вот теперь можно работать, — улыбнулся Вадим, вновь берясь за метлу.

Он шагнул вглубь галереи Сектора Ноль.

Стеллажи здесь напоминали циклопические ребра древнего левиафана. Отлитые из черного чугуна с примесью звездного железа, они уходили вверх на добрых двадцать метров, теряясь в клубящемся под сводами мраке. На полках теснились тома, скованные тяжелыми цепями, свитки в свинцовых тубусах и массивные кодексы, зажатые в железные струбцины.

При приближении Вадима в темных проемах между полками началось паническое движение.

На четвертом ярусе слева массивный фолиант в переплете из чешуйчатой кожи василиска — судя по ауре, опасный гримуар IV класса «Песнь Истлевающего Взора» — попытался приоткрыть свой клыкастый обрез и выпустить облако парализующей пылицы.

Вадим даже не замедлил шага. Он просто повернул голову и посмотрел прямо в желтый, налитый кровью белок глаза, пульсировавшего на корешке книги.

Сработал титул. Воздух сгустился, от фигуры человека пахнуло не просто силой, а холодной, неумолимой административной неизбежностью — аурой сущности, способной отправить любую разумную рукопись под нож гильотины для макулатуры или сварить в чане с растворителем.

Глаз фолианта судорожно моргнул, зрачок сузился до булавоочной головки. Раздался жалобный, сухой треск: книга захлопнулась с такой силой, что прищемила собственный кожный язык, и торопливо вжалась в самый дальний угол полки, задрожав всеми страницами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.